

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ама
САКРУ

Вредная
ПРИВЫЧКА

Ана Сакру

Вредная привычка

<https://litres.ru/74093766>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Я не знаю, почему пришла.
- Знаешь.
- У меня нормальный муж...
- Звучит как "средняя температура по больнице".
- ...семья, дочь...
- Это НАША дочь.
- А ты... Ты просто...
- Привычка?

Моя первая любовь была яркая как огонь и такая же разрушительная. Она оставила после себя пепел в душе, шрамы на сердце, страх вспыхнуть еще раз и мою любимую дочь.

С трудом, но я этим чувством переболела. Я его пережила. У меня налаженная жизнь и полноценная семья. Я не горю больше и этому только рада!

Но что будет, если прошлое снова ворвется в мою жизнь?

Хочется верить, что мне хватит сил сказать "нет", а не сгореть дотла по привычке.

Предупреждаю, герой много матерится!

#бывшие

#общий ребенок

#больная страсть

#неидеальные герои

Содержание

1. Лера	5
2. Лера	14
3. Лера	17
4. Лера	24
5. Лера	32
6. Лера	40
7. Лера	46
8. Лера	55
9. Лера	62
10. Лера	71
11. Лера	77
12. Лера	82
13. Лера	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ана Сакру

Вредная привычка

1. Лера

Рабочий телефон на моем столе снова раздражается входящим вызовом. Прежде чем взять трубку, я не отказываю себе в маленькой слабости — страдальчески закатываю глаза, так что девчонки напротив сочувственно смеются, и растираю ноющий весь день висок.

Погода сегодня сошла с ума — то дождь, то ослепительное солнце, и моя мигрень отрывается по этому поводу по полной.

На экране высвечивается фамилия снабженца третьей городской больницы. Кошусь на часы на рабочем мониторе. Как раз должна быть отгрузка у них. Ну что этому зануде опять не понравилось?

Набрав побольше воздуха и судорожно ища в себе остатки дзена, принимаю звонок.

— Да, Виктор Владимирович, — отвечаю хоть и вежливо, но достаточно уныло, чтобы он догадался, насколько меня задолбал.

— Лерочка, — скрипит в трубке его старческий голос, и я слышу, как он делает паузу, чтобы затянуться, — Вы нам

докторской опять не доложили. Пришло всего три коробки...

— Стоп, подождите, вы и заказывали три, — шурюсь на монитор своего моноблока, быстро просматривая нужные позиции.

— Нет, Лерочка, это я утром отправлял на три, а в обед сказал, что надо еще половину коробки, — чуть ли не оскорбленно.

— Кому сказали? Вот... Я смотрю дозаказы... Нет от вас ничего... — поджимаю губы.

— Да некогда мне с этими вашими компьютерами, — ментально психует на это Виктор Владимирович, — Я звонил!

— Кому звонили? — растираю лоб, всеми силами пытаюсь не послать этого старого пер... клиента, — Мне вы точно не звонили. Да и в принципе я не могу дозаказы принимать просто по телефону. Вы же знаете порядок, уважаемый Виктор Владимирович.

— Порядок - шморядок... Свои же уже люди! На обеде вы были, дорогая моя Валерия Артемовна. Так что я Колоскову вашему звонил! — называет начальника отгрузки.

Я молчу. Очень так убедительно молчу, без слов поясняя Виктору Владимировичу, чтобы и искал тогда свою половину коробки докторской колбасы в разных интимных местах Колоскова.

И тот тоже хорош... Мог бы и передать!

Тишина в динамике становится скорбной. Виктор Влади-

мирович грустно вздыхает. Прикрываю глаза, роняя голову на подставленную руку. Бесконечный сегодня рабочий день, и все какие-то невменяемые с самого утра. Может быть, и правда, стоит сверяться с картами затмений, чтобы не было неожиданностей.

— Если я вас наутро завтра самым первым поставлю и туда доложим эту половину коробки, вас устроит? — предлагаю.

— Хотелось бы сегодня конечно, — недовольно причмокивает Виктор Владимирович, хотя мы оба понимаем, что еще одну машину я к нему уже не успею отправить до конца рабочего дня, даже если бы она у меня была, — Но и утром подойдет. Ладно. Только чтобы строго до половины девятого. Спасибо, Лерочка.

— Не за что. Только дозаказ пожалуйста офо... — я обрываю саму себя на полуслове, потому что понимаю, что он выключил телефон.

Козел! Делаю вид, что отшвыриваю в стену надоевшую за день трубку под смешки Лили и Оксанки, которые делят со мной кабинет.

— Слушай, да пошли ты его хоть раз, — фыркает Лилька, отвлекаясь от своего монитора, — Ну реально, сколько можно заказы по телефону делать. У нас что? Пиццерия?!

— Ага, чтобы они в "Мясницкий дом" ушли, а меня потом Федя пинком под зад за то, что потеряла самых жирных постоянных клиентов, — вздыхаю.

— Не уволит он тебя, ты ж у нас блатная, — подмигивает мне Лилька по привычке и тут же тушует, вспомнив последние события.

Неловко кашлянув, Лиля снова возвращает взгляд в свой монитор, обрывая разговор. Я же поджимаю губы, слепо смотря в свой моноблок и постукивая карандашом по столу. Да, блатная... Была.

Концерн "Колбасный цех", на одном из мясокомбинатов которого я работаю, принадлежит моему бывшему тестю. И это он меня сюда устроил после того, как я с огромным скандалом развелась с его сыном шесть лет назад.

Тогда я просто хотела уехать подальше от своего мужа. Но далеко ли убежишь, имея на руках трехлетнюю дочь и до этого полностью завися от супруга. Тем более, когда тебе всего двадцать один, а из образования только один курс гуманитарного университета. Я родила Ладку в восемнадцать...

Только я все-таки рискнула, переехав одним днем в Питер, к своей бабушке, которая, будучи востребованным профессором по психологии и ведя очень активную, я бы даже сказала чересчур бурную личную жизнь, не сказать, чтобы сильно нам с Ладой обрадовалась.

Но все же приютила, пустив к себе, пусть и с выражением вселенской скорби на лице.

И вот буквально на следующий день, как мы с дочкой внесли чемоданы в новую квартиру, мне позвонил Валерий Павлович, отец мужа, от которого я бежала, и предложил ра-

боту на своем мясокомбинате в Питере, заверив при этом, что алименты Андрей будет платить исправно — он лично за этим проследит. И вообще я с дочкой ни в чем не буду нуждаться, ведь, чтобы не произошло между мной и его сыном, Ладочка навсегда останется его внучкой.

Помню я тогда не выдержала и расплакалась прямо в трубку от облегчения. Тем более, что хорошо знала Валерия Павловича и была уверена, что свое слово он сдержит.

И он сдержал. Мы переехали в корпоративную двушку с Ладой, буквально через дорогу от нашего мясокомбината. Мне практически сразу дали хорошую и не пыльную должность — я веду спецклиентов, четыре больницы, две воинских части и шесть санаториев, а это действительно несложная работа по сравнению с той же розницей, которой занимается Лиля, даже несмотря на парочку таких проблемных заказчиков как снабженец из третьей городской.

В общем, мне есть за что сказать Валерию Павловичу спасибо.

Жаль, что я уже больше никогда не смогу это сделать, так как мой бывший тесть скончался от инфаркта пять дней назад, так что больше на работе меня прикрывать некому. Не то, чтобы я когда пользовалась своими родственными связями, но присутствие незримой грозной фигуры тестя за своей спиной ощущала всегда.

Эх...А я ведь даже не поехала на его похороны, чтобы не пересекаться с Андреем, которого не видела уже шесть лет.

Лишь отправила к родственникам мужа Ладу с моей бабушкой. Я бы и этого не сделала, но Ладка так просилась, несмотря на свой совсем еще юный возраст. Она очень любила бабушку и соскучилась по своему отцу. К тому же в том городе осталась жить моя мать, и они тоже успели повидаться.

Вибрация личного телефона заставляет меня отвлечься от своих безрадостных мыслей. Егор.

— Да, привет,— отвечаю в трубку тихо, поглядывая на девчонок за соседними столами.

Пусть Егор — мой муж, но он все-таки начальник отдела логистики и на работе при других я обычно стараюсь обращаться к нему на "вы".

— Зай, у меня завал, — устало отбивает муж в трубку, — Я за Ладой не успею наверно в аэропорт вырваться...

Черт... Я раздраженно тру висок. Этот день точно весь какой-то перекошенный. Скорее бы он кончился...

— Ну и что ты предлагаешь делать? Я тоже еще на работе, как ты знаешь, — шиплю.

— Ничего, — спокойно отзывается муж, не разделяя моего раздражения, — Может Алла ее к себе заберет, а мы после работы заедем? — предлагает.

— Нет, ты же знаешь мою бабушку, у нее там уже какая-то личная встреча намечена, она предупредила.

— Точно, она ж у нас не просто бабушка, а наша бабушка вамп, — хмыкает Егор, а я вот совсем не разделяю его веселья, лихорадочно пытаюсь сообразить как выкрутиться.

— Так езжай на такси тогда, Лер. Объясни ситуацию. Ну я правда никак, зай... Семеныч, что за херня с топливными картами у Вольского? — вдруг резко орет мой муж в трубку, так что я, вздрогнув, подпрыгиваю на стуле, — Прости, зай, не тебе... Ну что? Отпросишься?

— А разве у меня есть выбор? — не сдерживаю едкую иронию.

— Ну все, пока, постараюсь пораньше домой, — тут же соглашается Егор и бросает трубку.

Черт. Покусывая губу, смотрю на гаснущий экран.

— Так, девчонки, мне надо бежать Ладку из аэропорта встретить. Больше некому, — сообщаю коллегам, торопливо вставая, чтобы побежать отпрашиваться у своей непосредственной начальницы.

Время подбирается к семи, и на подступах к аэропорту такси ожидаемо встает в мертвую пробку. Я елжу по сидению, раздражаясь и от звуков радио, воющего какую-то глупую попсу, и от снова стеной зарядившего дождя, и даже от запаха просаленной обивки в салоне. Почему я не выбрала "комфорт"?! Дура...

— Сильно торопитесь, девушка? — спрашивает меня пожилой таксист, поглядывая через плечо с легким сочувствием, — Можем на следующем перекрёстке свернуть, я тут объезд знаю через промку.

— Давайте, — слабо киваю, нагревая в руках телефон.

Мы недалеко, но, судя по времени, самолет Лады уже должен был приземлиться. Конечно, пока выйдут, пока получат багаж... И все же!

Набираю Аллу, чтобы предупредить. Гудки...

— Ой, Лер, привет, дорогая! — ее поставленный лекторский голос звучит бодро, но почему-то чуть виновато, — Слушай! Я так замоталась, так..! Представляешь, в ресторане встретила Ямпольского, это который директор филармонии. И он мне "Аллочка! Ко мне приезжает сам Райгер!". Это великий виолончелист, если ты не знала, — делает для меня снисходительную ремарку, — "И вот, — говорит мне Ямпольский, — он очень хочет, чтобы я показал ему русскую баню и накормил домашним борщом! Не поедете ли с нами на дачу, Аллочка?!" Ну как тут отказать... Там ведь еще и...

— Алла, какая дача? Потом про дачу... — перебиваю ее я, сдерживая до поры до времени вопрос о ее психическом здоровье, — Я к аэропорту подъезжаю вас с Ладой встретить. Егор не смог вырваться. В пробке стою, немного задержусь...

— Так я же к тому и веду! — раздраженно вставляет моя бабушка, — Мне пришлось на нашей малой родине задержаться. Я пока тут. А за Ладочку не переживай. Я ее с Жаровым отправила. Звони ему.

Моя глаза моментально высыхают — так сильно я въедаюсь взглядом в залитое дождем лобовое стекло перед собой. Сердце срывается на шипастый нитевидный пульс, словно в меня вшили вместо него колючую проволоку, и сейчас в гру-

ди все рвется с каждым слабым толчком, фонтанируя густой, черной кровью.

— Жаровым? — сиплю в трубку отрешенно, — С каким Жаровым..?

— Ну с каким, Лер? — хмыкает Алла из какого-то другого измерения, — С отцом Ладочки, конечно. Андреем.

2. Лера

Вызов обрывается, а я так и сижу с прижатым к уху телефоном. Мышцы окаменели, и лишь густая кровь тяжелыми толчками пробивается по венам. Вполне естественная реакция - я знаю про себя, что при шоке мой организм выбирает стратегию "замри" - это мне очень хорошо показал Андрей когда-то... Тот Андрей, которого я мечтала больше не увидеть. Тот, которому мне надо прямо сейчас позвонить и попросить подождать меня в аэропорту... Твою мать, хочется встать под струи дождя и в небо заорать "за что" - как раз погода подходящая.

Столбняк отпускает, сменяясь вспышкой бешеного адреналина. И я тихо стону, мученически прикрывая глаза.

- Девушка, да мы уже почти приехали, - суетливо успокаивает меня таксист, принимая мой вздох на свой счет.

Не отвечаю ему, повторно смахивая блокировку с экрана вмиг повлажневшими пальцами. Они мелко дрожат. Я вся мелко дрожу.

Мы не виделись шесть лет... Шесть! Даже не говорили.

Только редкие сообщения, когда другого выхода не было совсем. Я бы с удовольствием отправила Жарова в блок навечно, но Лада... Дочь исключила для меня такую возможность.

Она хотела общаться с отцом. Все наши родственники хо-

тели, чтобы она общалась с отцом. А мое эгоистичное тайное желание этому препятствовать разбивалось об активную помощь Жарова -старшего. Постепенно мы с Андреем нашли баланс в этом вопросе. Забирал Ладу в наш город к нему всегда кто-то из бабушек или дедушек, привозили обратно они же. Связь с дочкой, когда она гостила там, я тоже держала только через старших родственников.

Лишь два раза за эти шесть лет силуэт Андрея мелькнул на заднем фоне, когда я болтала с дочерью по видеосвязи. Еще четыре я слышала обрывки сказанных им фраз. И каждый этот случай я помню так, будто он происходит прямо сейчас. Ведь после меня выбивало из жизни почти на неделю!

Ломало, апатия и раздражительность накрывали. И желание поскорее избавиться от этого морока и снова вернуться в свое привычное, монотонное, малострессовое существование. Удобное, спокойное, уютное, понятное...Безопасное! Жаров - это как посмотреть на что-то яркое после плотной темноты. Но не на солнце, а на... сварку. И я мечтала больше не смотреть. Я понимаю, что это глупо. Лада - как морской узел между нами, и его не развязать. Мы бы все равно встретились рано или поздно. Но я предполагала, что это произойдёт... Ну, к примеру... На ее свадьбе!

А вот сейчас я совсем не готова, черт!

Сжимаю в руках нагревающийся телефон. Жму на записную книжку, но нет, я просто не хочу его набирать.

В итоге слабовольно открываю нашу скудную переписку. Когда-то она содержала тонны сообщений и десятки гигабайтов фото и видео, большинство из которых могли бы отлично залететь на порнохабе...

Я помню, как их было много - я устала удалять их из облака, пока мы ехали с Ладой в Питер, окончательно разрывая на части нашу маленькую покалеченную семью.

Сейчас наша переписка с Жаровым... Ее просто нет.

Год назад я написала Андрею "все в порядке? У Лады выключен телефон", когда они поехали вдвоем кататься на квадроциклах, и я не смогла до нее дозвониться. "Да" - ответил Андрей, не удосужившись даже поставить точку.

Ответил через минут десять, хотя прочел почти сразу. Будто все это время раздумывал, как меньше букв потратить на меня. После этого "бурного" общения не было ничего. И вот я опять пишу ему первая...

3. Лера

Лера: "Я в пробке, подъезжаю. Подождите".

За пару секунд перед отправкой я успеваю перечитать свое сообщение, кажется, сотню раз. Взвешиваю каждую букву, ищу возможные скрытые смыслы и, не найдя, наконец отправляю.

Закусываю губу, гипнотизирую экран.

Доставлено. Сразу прочитано.

Через мгновение прилетает ответ. И меня окутывает плотный до невозможности дышать жар раньше, чем я успеваю прочесть такие же сухие строчки.

Жаров: "Мне Савченко уже сказал. У выхода ждем".

Спотыкаюсь глазами на "Савченко". Почему мне слышится, как Андрей выплёвывает фамилию Егора мне в лицо как самое грязное ругательство? Я даже слышу шипящий змеей тон, но возможно это лишь мое разыгравшееся воображение.

Значит, Жаров уже звонил Егору... Логично, Алла наверно сказала Андрею, что встретить должен был он.

— Девушка, можно тут выйти, а то очередь на подъезд, — окликает меня таксист.

Боже, я даже не заметила, как мы уже подъехали к аэропорту.

— Да. Спасибо, — торопливо бросаю водителю и распахиваю пассажирскую дверь.

Дождь, падающий с неба ледяной стеной, моментально лупит по руке, делая рукав куртки мокрым. Ежась, выскакиваю на улицу и, накинув капюшон, бегу к стеклянным дверям выхода. Когда оказываюсь под широким козырьком здания аэропорта, замедляюсь, давая себе несколько секунд отдышаться и принять хотя бы отчасти невозмутимый вид.

Промозглая погода как нельзя лучше помогает в этом, пробираясь будто не только под одежду, но в само мое существо.

Чувствую долгожданное сковывающее онемение. Почти равнодушие. Мне бы очень хотелось, чтобы это было оно... Действительно, и чего я так разволновалась. Ну встретимся и что... Сбрасываю капюшон с головы, заходя внутрь. Пальцами небрежно провожу по чуть спутавшимся, успевшим стать влажными волосам и... застываю, взглядом наткнувшись на две до боли знакомых фигуры.

Ладка в своей смешной вязаной шапке с длинными заячьими ушами, розовом цветастом комбезе и с чемоданом в виде божьей коровки. Улыбается мне во весь рот, демонстрируя выпавший передний зуб, а на ее плече мужская рука.

Тень татуировки вьется от запястья под рукав черного тонкого пуховика. Ноги в темно-синих джинсах и белых кедах с полосками чуть расставлены. Узкие как и раньше бедра, а плечи, кажется, стали шире, хотя в общем фигура все такая же худощавая, жилистая.

Шея крепче, чем я помню, сильнее выделяется кадык. Ли-

ния подбородка у Жарова всегда была жесткая, а вот впалые юношеские щеки теперь ровные от линии скул и темные от щетины.

Дальше я непроизвольно сглатываю, потому что нарываюсь на его темно-карие глаза - пули.

Что -то ударяет в грудь навывлет. Сердце больно отстукивает миг. Внутри все сжимается так, будто меня сейчас выкрутит как белье в сушилке. Раз, два, три...И я резко отвожу взгляд, переводя внимание на дочь и упорно игнорируя возникший в кончиках пальцев тремор.

Лицо нестерпимо горит, но в сущности ничего не произошло. Потолок не рухнул, пол не провалился, меня не разбил паралич, я могу дышать.

Не так уж и страшно, да?!

— Привет, Кукусик! — сделав шаг, я распахиваю объятия дочери, которая с визгом несется мне навстречу.

Сложно переоценить, насколько я сейчас рада Ладку видеть, ведь ее присутствие позволяет мне упорно смотреть только на нее. Хотя боковым зрением я все равно жадно подмечаю, как мужская рука соскальзывает с плеча дочки, когда Лада бросается ко мне. И как Андрей, подхватив ее и свой чемодан, приближается к нам, пока мы обнимаемся.

— Ну как съездила? Все хорошо? Как там бабушки? Как деда Гриша? — на автомате спрашиваю, глядя дочь по волосам и слепо рассматривая ее лицо, ведь мое внимание на самом деле приковано ко второму большому чемодану в руках

Жарова.

На хрена Андрею столько вещей с собой? Что он вообще тут делает?! Я было подумала, что он просто вызвался дочь привезти...

— У деда Валеры были черные уши.. Ну... в гробу...—
делает огромные глаза Лада.

Блять... Тут уж невольно вскидываю взгляд на Андрея.

Он молча выбивает сигарету из пачки и засовывает ее себе за вполне нормального цвета ухо. Карие глаза, смотрящие в упор подчеркнута только на меня, въедливые до химических ожогов и одновременно какие-то пустые. Мне и жарко, и холодно от них. Передергивает. Отворачиваюсь.

— Ты не испугалась? — спрашиваю у Ладки, переживая за дочь.

— Нет, папа сказал, что это нормально, если инфаркт, — серьезно отвечает Лада.

— Инфаркт, — вздохнув, поправляю я, выпрямляясь и беря дочь за руку, — Не надо было наверно тебе на сами похороны ходить, — бормочу под нос скорее Жарову, чем дочери.

— Нет, мам, там столько цветов было, очень красиво и торжественно. А еще целая толпа людей, прямо очередь! И все говорили, какой дедушка хороший был, — спокойно вещает Лада, — Только бабушка Оля иногда плакала, но меня папа потом в кафе повел, а ночевала я у бабушки Люды. У них Муся окотилась! — тут же весело зашебетала дочь, мо-

ментально переключаясь, как умеют только дети в возрасте восьми лет, — Там три черных мальчика и трехцветная девочка!

— М-м-м... — тяну невпопад, остро ощущая на себе тяжелый изучающий взгляд мужа и чувствуя терпкий, раздражающий рецепторы запах его туалетной воды.

Чем дальше Лада болтает, тем сильнее я ощущаю между нами вакуумную тишину, которая уже давно перестала быть нормальной.

Прошло шесть лет... Мы теперь взрослые люди...Нельзя же просто молчать...!

— Мои соболезнования по поводу Валерия Павловича. И... Спасибо, что Ладу привез, — с трудом выдавливаю из себя, устремив взгляд Андрею куда-то на кончик носа. Переносица слишком близко к сверлящим меня насквозь глазам, а губы... Я не собираюсь смотреть на его губы, — И... Подождал.

Андрей молчит. Всего пару секунд, но они растягиваются для меня в вязкую вечность.

— Не за что, — в итоге коротко роняет Жаров.

И я непроизвольно снова смотрю ему в глаза, шокированная живым звуком его голоса. Внутри девятым валом прокатываются картинки из прошлого, дыбом ставя волоски. Эти вибрирующие хрипловатые нотки...Оказывается, я их помню слишком хорошо.

— Савченко сказал, ты на такси, — вдруг выдаёт Андрей,

и уголок его губ кривится в презрительной полуулыбке, которая мне так знакома.

Цепляюсь за нее как за спасательный круг, выплывая из морока звука его голоса. Я совсем забыла, что, как бы не будоражил меня тембр, слова, произнесенные им, часто ядовитей ядерных отходов.

— Да, это какая-то проблема? — холодно выгибаю бровь и одновременно тянусь за дочкиным чемоданом.

— Муж не купил своей принцеске машину? — снисходительно улыбается Жаров, больно тыкая в меня прошлым, давно забытым прозвищем. Правда, раньше он часто сочетал его со словом “ебанутая”... Вот и сейчас это слово будто бегущей строкой проносится в его глазах.

— Машина есть. Она в ремонте, если тебе интересно, — буркаю я, пытаюсь не показать, что заметила эту его “принцеску” и не произнесенное вслух прилагательное к нему.

— М-м-м... А что свою пока не дал? — чуть склоняет голову набок.

У меня невольно подскакивает пульс. От его намеков, тупых и прямых, что муж у меня теперь... хуже! Но это, твою мать, абсолютно не так!

— Она ему сильнее нужна по работе, — отрезаю и дёргаю на себя Ладин чемодан, — Мы пойдем.

Но Андрей не отдает, вырывая ручку у меня обратно.

— Не надо, я подвезу, раз такое дело, — ядовито улыбается.

— Вместе на такси? У тебя нет денег на отдельную поездку? — теперь уже ехидничаю я.

— Пока есть, не переживай. Я арендовал.

— Зачем? Задержишься в городе? — и на последнем вопросе мой голос вдруг глохнет, выдавая мгновенно набухший в горле ком.

Я... У меня уже передоз от этого общения. Дайте мне пожалуйста следующие шесть лет передышки...

— Кое-какие дела, — неопределенно роняет Андрей, так и не позволяя мне облегченно выдохнуть.

И тут же переключается на дочь, подчёркивая, что не собирается ничего пояснять.

— Ну что, Кукус, пойдем, — шутливо щелкает ее по носу, — Прокачу на крутой тачке.

— Вау! Конечно пойдем! А что за тачка, пап?! — мелкая предательница тут же отпускает мою руку и вкладывает свою ладошку в папину ладонь.

Они вместе устремляются вперед, будто моментально вообще забыв обо мне. Пялюсь на их удаляющиеся фигуры, на автомате прислушиваясь к стуку колесиков чемоданов. А затем поправляю сумку на плече и, обняв себя руками, плетусь следом за этой парочкой.

4. Лера

— Запрыгивай, Кукус.

Андрей подмигивает Ладе, первым делом открывая для нее переднюю пассажирскую дверь. Рядом нетерпеливо мнетя парень, доставивший сюда черную, блестящую как начищенный половник бэху семерку. По требованию Жарова он тормознул почти прямо напротив выхода под широким козырьком и включил аварийку. В его руках документы, которые Андрей небрежно подписывает и отправляет сотрудника проката взглядом.

— Лада, ну куда вперед?! — шиплю я дочери, уже успешней юркнуть в машину.

— Там кресло, — дергает Андрей бровью, открывая багажник. Закидывает туда чемоданы.

Заглядываю в салон. Действительно... На переднем пассажирском уже установлено приличное детское кресло. И его вид меня... Триггерит. Ведь это еще один звоночек, что мой бывший муж приготовился к тому, что Лада будет его пассажиром не один раз.

И что Андрей возможно здесь не на пару дней... Ради пары дней Жаров скорее всего бы забил на такие мелочи, как безопасность ребенка и правила дорожного движения. Тем более, что задние стекла бэхи затонированы до состояния непроглядной черноты.

— Может не стоит все-таки спереди... — хмурюсь я, вспоминая его манеру вождения, от которой вполне можно схватить пару микроинфарктов за первые же десять минут.

— Не доверяешь? — Андрей полосует меня взглядом, который накаленным лезвием больно проходится по моему лицу.

Ожог от каждого такого контакта. Поджимаю губы и отвожу глаза.

Я не хочу вступать в бой. Я хочу сократить наше взаимодействие до минимума.

Молча вожусь с ремнем безопасности Лады, пока Андрей распахивает для меня заднюю пассажирскую дверь. Не подает руку, чтобы помочь сесть в высокую машину, но я и не жду. Неуклюже залезаю и чуть не получаю резко хлопнувшей за мной дверью по заднице.

Р-р-р... Придурок!

Вижу сквозь плотную тонировку, как Андрей криво улыбается сам себе, довольный своей выходкой.

Вдох... Выдох... Бл.. Не помогает ни хрена!

Первый шок от встречи давно схлынул, и сейчас меня топтит каким-то совсем нездоровым, буйным адреналином.

От того, что просто вижу его. Ловлю запах. Чувствую... И помню, каково это, если не подавлять...

Но я подавляю. Потому что то, чем это все заканчивается, я слишком хорошо помню тоже...

Бэха резко дергается с места, при этом я снова ловлю на

себе взгляд Андрея, впившийся в меня через зеркало в центре лобового. Всего несчастную долю секунды, но мне ее достаточно, чтобы онеметь и никак не прокомментировать его отвратную манеру вождения, а просто молча забиться по-дальше, ища слепую для Жарова зону.

В итоге я буквально врастаю плечом в пассажирскую дверь позади Лады. Теперь меня точно не поймать через зеркало, а только если повернуться и посмотреть напрямую. Почему-то уверена, что Андрей этого делать не станет. Просто знаю его...

Есть еще один плюс в выбранном мной месте. Отсюда я вижу его профиль очень хорошо. И я жадно смотрю, отпуская что-то внутри себя и безвольно списывая на обычное любопытство.

Мы не виделись шесть лет...

Он повзрослел. В уголках губ прорезались упрямые складки. Пара горизонтальных линий на лбу — последствия живой мимики и привычки хмуриться по любому поводу. Взгляд все такой же излишне самоуверенный, твердый и колючий, каким был всегда, но теперь к нему добавился... Вес что ли. Это уже взгляд не парня без тормозов, а крепко держащего пространство вокруг себя мужчины. С таким лучше не ссориться... От этого ощущения по позвоночнику ползет щекочущий холодок.

Андрей щурится на дорогу, слушая беспечную стрекотню Ладки. По его щекам перекатываются желваки, когда сжима-

ет челюсти. Будто чувствует, что я на него смотрю, и немного этим раздражен. Но я все равно не могу перестать.

—... Пап, а поедем в "Озорные белки"? — тараторит Лада.

— Это что еще за фигня? — косится он на дочь.

— О, это парк такой за городом, — восторженно зазывает его дочь, — Я один раз была на Милкин день рождения. Там очень круто! Но мама говорит, что дорого...

— Экономись на ребенке? — тут же бросает мне Жаров, смотря на дорогу.

— Взял машину с креслом? — спрашиваю о своем, игнорируя его дурацкий выпад. У Жарова медленно и ехидно ползет вверх уголок губ.

— Планирую, пока тут, плотно общаться со своим ребенком. Да, ребенок? — протягивает руку и щипает Ладку за бок. Та восторженно пицтит на всю машину.

— И надолго ты тут? — сглотнув, повторяю свой самый животрепещущий вопрос.

Его плечо приподнимается и опускается.

— Зависит от того, как пойдут дела...

— Ну хоть примерно, — не сдаюсь я.

— Уже выгоняешь? — Андрей все-таки коротко оборачивается на меня, обжигая взглядом. — Нет, пап, конечно нет! — запальчиво отвечает за меня Лада.

— Не ссы, Кукус, — улыбается Андрей, и голос его для дочери сразу становится мягким и подкупающим — Возможно задержусь.

Кукус. Кукусик...

Отворачиваюсь к окну, ощущая накатившую вдруг волну воспоминаний. Это ведь Андрей ее так назвал. Потому что Лада начала кусаться, когда у нее стали активно прорезаться зубы после года. До этого еле -еле росли. А потом будто сразу все. И кусалась она страшно — я сразу бросила кормить, потому что она прогрызла мне сосок чуть ли не насквозь. Потом один раз плечо сильно прихватила.

А Андрей терпел... Извращенец.

Смеялся сквозь боль, не сразу ее отцепляя. Говорил, что у него маленькая хищница растет. Кусачая. Кукусик... Так и прицепилось к ней.

Почему-то вспоминать это так тоскливо, особенно смотря на залитое дождем стекло, что у меня начинает свербить в носу. Кажется, мы тогда были самые счастливые... Даже вечно уставшие, ссорящийся и загнанные кто бытом, кто работой. Но все равно...

— Как семейная жизнь? — вдруг подчеркнуто ровно спрашивает Андрей, вырывая меня из обрывков прошлого.

Перевожу на него взгляд, моментально напрягаясь. Я не хочу, чтобы он хоть как-то касался моей нынешней семьи. Даже просто словами.

Андрей не поторапливает с ответом и выглядит почти расслабленным, вот только ставший слишком цепким взгляд, устремленный на дорогу, его выдает.

Ждет.

— Хорошо, — после паузы роняю холодно.

— Просто хорошо? — издевательски выгибает бровь, продолжая смотреть исключительно вперёд.

— Спокойно, — вкрадчиво добавляю я.

Жаров издает короткий смешок и снова поворачивается, плавая меня взглядом.

— Подъёб засчитан, — беззвучно артикулируют его губы.

Вспыхиваю и не успеваю сдержать ответную усмешку.

Внутри резко становится горячо.

Да, это последнее, что можно было *про нас* сказать...

Снова отворачиваюсь к окну. Больше Андрей меня не трогает до самого дома.

— Вот эта парадка, да, — я не без тайного злорадства руковожу передвижениями Андрея по нашему внутреннему двору.

Два года назад мы с Егором взяли в ипотеку двушку на Ваське в новом жилом комплексе около “Севкабеля”. Если Жаров думал, что высадит меня и Ладу у разбитого хруща, то он сильно ошибался.

Андрей, тормознув, выскакивает из машины первым и идет к багажнику, чтобы достать Ладин чемодан. Я выхожу наружу и помогаю дочери выбраться из кресла. В этот момент очень удачно звонит Егор, давая мне возможность не прощаться особо с Ладкиным отцом.

Заранее улыбаясь, принимаю вызов и зажимаю плечом

трубку, так как избавляю Ладу от ремня безопасности.

— Привет, родной, — щебечу на всю улицу.

О, мой профиль мгновенно будто обливают кислотой, и кровь пенится в венах. Я не вижу взгляд Андрея, но такое просто невозможно не почувствовать.

— Зай, вы скоро? Я уже дома, — сообщает Егор так же ласково.

Жаль, что не поставила на громкую.

— Да, сейчас поднимемся... В магазине надо что-то? — кошусь на круглосуточный у нашей парадной.

— Нет, я заехал суши купил, будем отмечать приезд нашей девчонки.

— О, класс... Егор купил суши, — сообщаю Ладе, подмигивая.

Она радостно хлопает в ладоши, уже выпрыгнув из машины. Не глядя в лицо Андрею, выхватываю из его рук дочкин чемодан.

— Все, пока. Спасибо, что подвёз, — бормочу, смотря Жарову куда-то в шею, и, поймав дочку за руку, спешу к парадной.

— Пап, пока! — кричит Лада на весь двор, еле поспевая за мной.

Не слышу его ответ— наверно просто помахал. Но ощущаю пробивающий молотком взгляд между лопаток до тех пор, пока не закрываю за собой подъездную дверь.

Только тут, выдохнув, резко сбавляю темп. Колени стре-

нительно слабеют и хочется прислониться к стене, а затем и стечь по ней прямо на гранитный пол. Голова моментально начинает болеть от пережитого перенапряжения... Бо-же-е-е... Но я ведь хорошо держалась, да?!

— Лера, але, — пытается достучаться до меня Егор, о котором я сразу забыла...

— Все, мы в лифт заходим, — рассеянно бросаю ему и заканчиваю вызов.

Черт...

— Мам, ты жепустишь меня на выходные с папой в "Озорные белки"? — не унимается Лада, испытывая от встречи с отцом совсем другие эмоции.

— Посмотрим...— бормочу.

— Нет! Мам, пообещай! — тут же капризно кукуется дочь, — А может ты с нами?! Пожа-а-алуйста!!! — добивает.

Я еле сдерживаю истерический смех в ответ. С ними?! Хах...Только под дулом пистолета.

5. Лера

— Привет, девчонки, — Егор распахивает перед нами дверь после первого же звонка, — Лада, ты что? Умудрилась вырасти?! — он театрально округляет глаза, отступая и давая нам возможность зайти в квартиру.

— Да, теперь в меня влезет больше пиццы! — хитро заявляет дочь, стаскивая с головы шапку и расстегивая комбез.

— Черт, я не рассчитывал. Ладно, отдам тебе свой кусок. Хотя... Ну ка иди сюда! Проверим, может еще и потяжелела от борщей бабы Люды и с пиццей лучше повременить, — Егор подхватывает Ладку на руки и вскидывает к потолку.

Та и довольно смеется, и ворчит одновременно. Прислонившись к стене, вжикаю молнией на своей ветровке. Наблюдаю за ними, пропитываясь запахами и атмосферой нашего дома.

Егор ставит дочку на пол, спрашивает как она долетела. У них хорошие отношения. Действительно хорошие, мне не на что жаловаться.

На самом деле такие обнимашки, как сейчас, для них большая редкость и происходят только во время встреч после небольших разлук.

В обычной жизни Егор же практически не лезет к моей дочери, и меня это совершенно устраивает. Не учит ее жизни и не пытается воспитывать, зато всегда откликается на

любую ее просьбу. Довезти до секции — пожалуйста. Помочь сделать уроки — без проблем. Поиграть в компьютерную игрушку или настолку — если у Егора есть на это время, он никогда не откажет. Лада очень привязана к нему и при этом это чувство естественное и доверительное, построенное именно на их хорошем общении, а не на том, что от нее кто-то требует Егора признавать.

И уж тем более называть папой.

Нет, отец для нее только один, и, если бы мне пришло в голову попытаться это изменить, дочь сразу бы возненавидела и меня, и Егора.

Рассматриваю своего мужа, оседая на пуфик, чтобы разуться.

Егор... Безупречный. Да, именно так.

Безупречный с точки зрения совместной жизни человек. Он спокойный, рассудительный, не ленивый, не пьет, не курит, бегает по утрам и ходит в спортзал, а еще без проблем может заняться домашними делами, не считая это только моей обязанностью. Если же я что-то делаю сама, он всегда спрашивает чем помочь.

Мы заранее планируем все наши выходные. Детально обсуждаем отпуск, рассчитываем покупки и ремонтные работы так спокойно и тщательно, что у нас просто нет поводов из-за этого ссориться, как у других пар.

Иногда меня накрывает без особый причины в силу дурацкого характера, но Егор все равно умудряется мастерски

избегать любого конфликта. Он либо уступает, либо уходит от разговора и ждет, когда меня попустит, а чаще всего совмещает первое и второе.

Кроме этого, Егор симпатичный мужчина, засчет физических тренировок и правильного образа жизни пребывающий в прекрасной форме в свои тридцать восемь. Высокий, выше Андрея на добрых полголовы, худой и жилистый как марафонец зеленоглазый блондин. И в постели мы друг друга... удовлетворяем.

У Савченко есть только один существенный недостаток, из-за которого в основном и распался его первый брак. Егор бесплоден после перенесенной в подростковом возрасте свинки.

Но лично для меня это скорее плюс, чем минус. Мне не принципиально иметь еще детей, так как вполне достаточно моей черноглазой Ладки. Да и Егор только рад, что у меня уже есть дочь, а значит в нашей семье есть ребенок, и я не вешаю на него неподъемное чувство вины, как прошлая жена.

— Ну как... встретила? — косится на меня Егор, пока Лада возится с верхней одеждой.

В его голосе проскальзывает напряжение, а взгляд сочится участием. Он знает о наших отношениях с Андреем, во всяком случае то, что ему необходимо было узнать, поэтому я сразу понимаю, *о чем именно* он спрашивает.

— Нормально, — пожимаю плечами и улыбаюсь. Вот только моя улыбка выходит вымученной и не касается глаз.

Я это чувствую, поэтому намеренно переключаюсь на Ладку, уже бегущую на кухню.

— Руки мыть, Кукус!

Дочка демонстративно страдальчески закатывает глаза, но покорно сворачивает в ванную.

— Нормально? — переспрашивает Егор.

— Да... Правда. Все хорошо...

Телефон в сумке оживает, избавляя меня от необходимости отвечать более развернуто.

Покопавшись в вещах, достаю его и замираю, чувствуя, как немеют губы.

Андрей.

Молча показываю мужу экран, на котором светится "Жаров", а затем смахиваю зеленую трубку.

— Да, — мой голос звучит слишком резко.

Почти обиженно. Я внутренне морщусь — предпочла бы, чтобы он был ровный и пофигистический.

— Лер, документы забыл отдать. Ты так быстро сбежала, — с насмешливым сарказмом говорит Андрей, — Свидетельство о рождении, полис... Спустишься?

Я молчу. Бл... Я не хочу!

Внутри опять начинает гудеть, словно там включили силовую турбину. А я только начала отходить... Прислушиваясь к этому эмоциональному гулу и низкому мужскому голосу в динамике, порождающему его, я не сразу отвечаю.

— ... Или мне подняться? — с ноткой издевки интересу-

ется Андрей.

— Н-нет... Нет! Я сейчас.

Сбрасываю вызов. Торопливо обратно обуваюсь. Пальцы подрагивают. Пристальный взгляд мужа на меня в этот момент только еще больше нервирует. Будто я собираюсь сделать что-то очень нехорошее прямо на его глазах.

— Что такое? — спрашивает Егор.

— Ладкины документы забыла забрать, — бормочу, избегая встречаться с ним глазами. Хватаю ветровку, накидываю на плечи, — Я быстро...

— Хочешь, я схожу?

— Нет. Все в порядке, правда. Не переживай.

И прежде, чем он успевает возразить или еще хоть что-нибудь сказать, я пулей вылетаю из нашей квартиры.

Несколько раз ударяю по кнопке лифта. Переминаюсь с ноги на ногу, пока он бесконечно ползет вниз с девятого на первый. И, крепко обняв себя руками и кутаясь в полы ветровки, наконец выскакиваю на улицу.

Внедорожник Андрея прижат к самому подъезду, перекрывая проход и мигая аварийными огнями. Сам Жаров внутри — смотрит на меня в упор сквозь лобовое. На переднем пассажирском детского кресла уже нет... И по короткому кивку Андрея я понимаю, что он предлагает сесть к нему в машину...

Упрямо мнусь пару секунд, ожидая, что его совесть проснется и он сам вылезет из автомобиля, чтобы просто от-

дать мне документы, но этого конечно не происходит, так что я плетусь к нему.

Распахивает для меня дверь. Залезаю в салон.

Здесь уже начинает пахнуть *им*, хотя запахи дежурной елочки и казенной химчистки еще раздражают рецепторы. Мое лицо горит и кажется, что это в салоне жарко как в печке. Мне этим жаром покусывает каждый участок кожи. Особенно, когда поворачиваю голову и смотрю на Андрея.

Он тоже смотрит на меня.

Сев полубоком и положив одну руку на руль. В упор смотрит. В полутьме машины его глаза совсем черные. Только в глубине зрачков тлеют знакомые мне до боли раскаленные угли.

Я не могу дышать, не могу говорить. Я застываю, тоже его рассматривая. Что-то начинает кровоточить внутри, что уже, я думала, зажило. Я вспоминаю ту боль, ту тяжесть решений, что пережила по его вине! Переживаю так, будто все это опять происходит прямо сейчас!

Ненавижу... Да пошел он!

От беспомощной злости застилает глаза. Я бы вцепилась ногтями в его лицо с диким наслаждением, но я такая уже почти умерла. И это к лучшему!

Усилием воли вспоминаю себя нормальную. Надменно дёргаю бровью.

— Что? — выдаю на его наглый пожирающий взгляд.

— Просто. Смотрю... Можно? — глухим полупшепотом ро-

няет Андрей, уплотняя воздух вокруг до предельных значений.

— Нет. Документы отдай, — даже не пытаюсь скрыть свою нервозность.

Его уголок губ ползет вверх в циничной усмешке, взгляд моментально остывает на несколько десятков градусов, становится закрытым и агрессивным.

— Тебе не идет быть такой злопамятной, Лер, — лениво выдает.

Подается вперед и тянет ко мне руку.

Я отшатываюсь, но Андрей всего лишь открывает бардачок, едва зацепив меня скользящим случайным контактом наших тел. И все равно всю нервную систему сводит микро-токами. Даже когда он отстраняется, кинув мне на колени файл с Ладиными документами.

— Знаешь, мне тоже есть на что смертельно обижаться, — вкрадчиво напоминает Жаров.

— Обижайся сколько влезет, меня абсолютно устраивает, — бормочу и нажимаю на дверь, чтобы выйти из машины.

Не поддается. Когда только успел закрыть?! Психованно дергаю еще раз. Впиваюсь в него взбешенным взглядом. Что за детский сад.

— Ты так словами не разбрасывайся, Конева, — сжимает челюсти Андрей, припоминая мне мою девичью фамилию, — Тебе вкус моей "смертельной обиды" может очень не понравиться.

— Ой-й-й! Пошел ты... — беззвучно шевелю губами, на которые тут же стекает его оставляющий ожоги взгляд.

Дыхание нагревается, шумно выходя через рот. Я непроизвольно издаю всхлип, то ли жалобный, то ли возбужденный, и дико бешусь на себя за это! Снова дёргаю ручку, рискуя ее к чертям оторвать.

— Ок, пошел я...Запомню,— хрипло шепчет Андрей и снимает наконец блокировку.

Никогда я так быстро не выпрыгивала из чьей-то машины.

6. Лера

Когда возвращаюсь домой, накрывает настоящее опустошение. Будто я исчерпала весь свой эмоциональный запас за этот вечер. Пицца кажется безвкусной, виски ломит и хочется поскорее уже лечь спать.

Как назло Лада перевозбуждена после перелета и никак не может утихомириться. Доходит до того, что я, не сдержавшись, рявкаю на нее, что уже поздно и завтра в школу, и просто выключаю свет, игнорируя ее обиженное сопение по этому поводу. Внутри ворочается червячок вины, но я слишком измотана, чтобы поступать по-другому. Выдохнув, отправляюсь в душ. Долго стою под горячими струями, закрыв глаза и пытаюсь смыть с себя этот день. В голове пустота и вата. А за ребрами тянет тоской, потому что мне...жаль.

Жаль себя прошлую. Жаль свою первую искалеченную любовь. Жаль, что все так произошло. И жутко жаль, что до сих пор на меня так действует один вид этого человека.

Я могу его ненавидеть, презирать, бояться, все что угодно могу. Но быть к нему равнодушной у меня никогда не получалось. И, оказывается, это не изменилось до сих пор.

Пусть он просто побыстрее уедет, а? Господи, ни о чем больше не прошу...

Когда прихожу в нашу с Егором спальню, застаю мужа уже под одеялом. Верхний свет выключен, горит только настоль-

ная лампа с его стороны кровати. В руках Егора книга — он любит бумажные, в основном фантастику, на носу очки для чтения. Муж чуть спускает их по носу, устремляя на меня взгляд поверх тонкой оправы.

— Ты какая-то притихшая, — констатирует, — Точно все в порядке?

— Да, просто голова разболелась, — избегая встречаться с ним глазами, хожу по комнате, готовясь ко сну.

Мажу кремом руки, раскрываю шкаф, скидываю халат и надеваю тонкую пижаму, стоя спиной к мужу. Чувствую его взгляд на своей обнаженной коже, пока переодеваюсь. Он не горячий, нет. Но хозяйский, покалывающий. От него низ живота тревожно напрягается и тянет тяжестью между ног. Я покусываю губу, хмурюсь. Не уверена, что хочу сейчас секса. Точнее уверена, что нет. Но причина, по которой я не хочу, дико выводит меня из себя! Я не позволю чему-то влиять на мою супружескую жизнь. Или кому-то...! Судорожно выдохнув, поворачиваюсь к мужу и ласково улыбаюсь. Заставляю себя сделать это.

— Иди сюда, зай,— Егор возвращает мне улыбку, снимая очки и откладывая книгу.

Помедлив всего секунду, подчиняюсь. Прежде чем лечь, выключаю настольную лампу, погружая спальню в плотную темноту. Глаза привыкают ко мраку не сразу, и сначала меня наощупь встречают мужские руки. Обнимают, укладывают на грудь. Егор в футболке — утыкаюсь в нее носом, вдыхая

запах кондиционера для белья и его тела. Он у него ненавязчивый, какой-то съедобный, как хмель или свежий хлеб.
Уютный.

Прикрываю глаза, чувствуя, как пальцы мужа гладят мой позвоночник сквозь тонкую ткань шелковой пижамы. Это приятно. Тело лениво реагирует и одновременно напрягается от возможного продолжения. Но я внутренне шикаю на него. Егор мой муж! Я не буду сегодня отказывать ему, если он захочет.

Только не сегодня...!

— Насколько он приехал? — тихо спрашивает Егор куда-то мне в макушку.

— Не знаю. Не сказал...— бормочу.

— Хочешь обсудить?

— Нет.

Егору этого достаточно. Вместо дальнейших расспросов он берет меня за подбородок, заставляя приподнять голову, и целует в губы. Мягко и мокро, проникая в рот. И это уже не намек.

Вяло отвечаю, облизывая его язык. По телу прокатывается мелкая напряженная дрожь неприятия, и она бесит... Да что такое, а!

Это просто обычный секс в конце концов. С близким женщиной и знакомым членом.

Закидываю на Егора ногу, прижимаясь промежностью к его бедру в пижамных штанах, тяну вверх по животу его фут-

болку. Егора не надо упрашивать дважды. Он тут же отстраняется и избавляется от одежды, оставаясь в одних трусах. Снимает мою пижаму, подминая под себя. Гладит, целует, вдавливая в матрас своим жилистым твердым телом. Делает все дежурно и привычно, точно зная, как, прилагая минимальные усилия, сделать меня мокрой.

Лезу ладонью под резинку его трусов, сжимаю набухший член, надрачивая, пока он делает со мной тоже самое, влажно и настойчиво целуя в губы. Мы шумно дышим, веки мои закрыты и под веками... Под веками я начинаю видеть карие, почти черные в минуты нервного возбуждения глаза.

Глаза, в которых в самой глубине будто тлеют угли дьявольского костра...

Я жмурюсь, пытаюсь прогнать их, но вместо этого будто и запах улавливаю — мускусный, резкий, раздражающе мужской.

И пальцы во мне царапают клитор словно почти так же. Бл...!

Я хнычу, выгибаясь и ощущая, что сейчас разревусь от обиды и одновременно накатывающего нездорового возбуждения, а потом сдавленно шиплю, чувствуя, как в меня протискивается член. Медленно. Слишком, твою мать, ласково.

Я вижу эти угольные тлеющие глаза за закрытыми веками и хочу, чтобы меня и оттрахали соответствующе... С капризным стоном отпихиваю мужа от себя, перекатываюсь на живот, становлюсь на колени, выгибаясь в пояснице как кошка

и зарываясь лицом в подушку. Кровь закипает как кислота. Жмурюсь. Давай же...

Утробно рычу, когда наконец получаю то, что хоть примерно хочу — первый сильный толчок. Подставляюсь, сбито дыша и комкая простынь. Картинки в голове... Такие, о которых Егору лучше никогда не знать и, как только возбуждение спадёт, мне точно будет стыдно!

Но я просто не могу не представлять.

— Да.. Да... Сильнее... Да... — хрипло нашептываю, подгоняя его и пытаюсь отслеживать речь, чтобы не дай бог не ляпнуть лишнее.

Например имя. Но бл... Я не могу отказаться от этого допинга сейчас! Меня так трясёт, что все тело покрывается крупными мурашками. Бедра немеют, я лишь чувствую, как крепко мужчина сзади впивается в них пальцами, и как ритмично проскальзывает член между набухших мокрых складок.

— М-м-м.. Да-а-а... — горячая судорога прошивает волной.

Изображение за веками кривится в похабной усмешке, закусывая между зубами фильтр сигареты. А дальше у меня от кайфа закатываются глаза.

Ненавижу — первая мысль, когда хоть немного прихожу в себя. За этот оргазм отдельно.

Егор валится рядом на спину, тяжело и шумно дыша.

— Ты как, зай? — лениво поворачивает ко мне голову.

Ласково ведет пальцами по рёбрам, — Только у тебя может так “болеть голова”, — в его голосе слышится довольная улыбка.

Ложусь рядом на живот, так и не отрывая лица от подушки. Между ног стягивает остывающей влагой, но у меня нет сил встать и пойти привести себя в порядок. Это был контрольный на сегодня. И уже потихоньку распинает набухающее внутри раскаяние за свои дурацкие фантазии...

— Супер,больше не болит, — бормочу, так и не решаясь посмотреть на мужа, так как мне теперь стыдно перед ним!
— Спасибо, доктор. Я спать.

7. Лера

Миновав с мужем проходную, мы разделяемся. Отдел логистики, в котором работает Егор, расположен на первом этаже рядом с погрузкой, мне же необходимо подняться на третий — в царство офисного планктона, как в шутку называют административные отделы работяги.

Я на ходу расстегиваю пальто и спускаю его с плеч. До начала рабочего дня каких -то пара минут — в глазах моей начальницы Алины Игоревны это уже страшное опоздание. Она никогда не говорит это вслух, но очень четко дает понять, что приходить на работу позже нее и уходить раньше — непозволительно. Сама же Алина Игоревна приезжает на предприятие как минимум за полчаса...

Она вообще... Та еще сука.

Но до поры до времени меня это мало волновало из-за невидимой, но ощутимой протекции бывшего свекра, ведь навредить мне по-настоящему она никак не могла. Сейчас же...

О, я пока без понятия что будет сейчас, но внутренняя смутная тревога не отпускает. Я хороший работник на самом деле, в этом плане я в себе уверена, но вот отношения с непосредственной начальницей у меня всегда как-то не складывались.

В основном из-за того, что Алина Игоревна любит вешать

на меня свои ошибки, а успехи забирать себе. Да, я знаю, что это обычное дело и надо просто смириться и махнуть рукой, как поступают те же Лиля и Оксана, но... Не могу.

Характер не позволяет — я сразу вскипаю и дико бешусь, узнав от мужа, что Воронова вновь свалила что-нибудь на меня на очередной планерке, куда мне, как более низкому по рангу сотруднику, вход заказан.

Глаза кровью наливаются, стоит представить, как ее еще и начинают жалеть, ведь ей приходится выносить такую нерасторопную клушу как я. Я точно знаю, что именно так ей и говорит парочка человек, а Воронова при этом мило лицемерно улыбается и снисходительно возражает, что "ничего, Лера в принципе хорошая девочка".

Да, конечно хорошая!

Вот позавчера например я ей правила весь квартальный отчет, который она потом заму директора понесла как результат собственного непосильного труда. И о моем участии сказала бы только, если бы там нашлась ошибка. Как всегда.

Черт, и зачем только вспомнила сейчас об этом — рабочий день еще не начался, а внутри уже загудело глухим раздражением. Наверно потому, что я так и вижу в своем воображении недовольно поджатые губы Алины Игоревны и осуждающий молчаливый взгляд: "Явилась наконец-то. Еще и вчера раньше ушла. Совсем совести нет".

И то, что мы с Егором попали в пробку, пока завозили Ладу в школу, а на часах еще нет девяти и мой рабочий день

фактически не успел начаться, конечно, никого не волнует...

— Привет, — распахиваю дверь нашего отдела.

Мои девчонки уже за мониторами. У обеих по большой кружке кофе на столе. Рассеянно здороваются, отрывая взгляды от моноблоков. Торопливо вешаю пальто в шкаф и переобуваюсь. Поймав Лилин взгляд, киваю на дверь в кабинет Алины Игоревны, задавая молчаливый вопрос. Тут?!

— На совещании она, не переживай, — улыбается та, — Хотя, когда уходила, поворчала, конечно. " Где это Савченко носит, совсем уже работать не хочет" — Лиля закатывает глаза, передразнивая капризные интонации Вороновой.

Мы с Оксанкой хихикаем. Я расслабленно выдыхаю. Получается, только зря накручивала себя.

— А что так рано совещание? — спрашиваю, убирая уличную обувь в шкаф.

Подхожу к своему столу и включаю моноблок, затем сворачиваю в крохотную комнатку, служащую нам небольшой кухней. Здесь у нас умывальник, кофемашина, запас всяких сладостей и небольшой диванчик с журнальным столиком.

— Так вроде это... Сын Жарова прилетел. Бывший твой. Я думала, ты знаешь, — кричит мне Оксанка из кабинета.

Я застываю на месте, так и не нажав кнопку на кофемашине. Я знаю, но... Вот это я идиотка! Ну конечно... Андрей раньше никогда не показывался у нас на предприятии, всегда только его отец прилетал. Но Валерий Павлович умер — логично, что теперь со всякими проверками будет являться

Андрей.

Да, это логично. И я тут совершенно не причем. Остынь, Лера...

Судорожный вдох, длинный дробный выдох — я потихоньку отмираю, убеждая себя, что в моей жизни ничего не поменяется.

Андрей сейчас познакомится с местным руководством, представится сам и улетит домой. Его отец всегда прилетал лишь на пару дней. Жарову тоже нет смысла задерживаться дольше.

— А, да, знаю, — рассеянно кричу девчонкам, наконец делая себе кофе, — Просто не думала, что он всех на ноги поднимет с самого утра.

Слепо смотрю, как тонкая горячая струйка заполняет кружку. Когда беру свой кофе, мои руки подрагивают. Девяносто девять процентов, что на работе мы с Андреем не встретимся — что ему делать в нашем кабинете? А выходить из него я сегодня принципиально не собираюсь после таких новостей. Но...

Но меня все равно перетряхивает оставшийся последний процент.

Сажусь за свой ноут, ставя на стол кружку. Кабинет будто сужается, давя. Стены кажутся ближе, до духоты.

Они в конференц зале сейчас? Это всего несколько метров... Мысль, что Андрей опять так близко, забивает все пространство в голове. Быстрее бы уехал...

— Вы так и не общаетесь? — любопытствует Лиля, и ее взгляд при этом кажется мне до неприятного липким.

— Нам не о чем, — глухо отзываюсь, запуская рабочую программу.

— А Лада?

— А что Лада? — пожимаю плечами, — Захочет с ней погулять — пусть забирает. Это не требует длинных разговоров.

— Ясно...— задумчиво тянет Лиля, кажется, собираясь спросить что-то еще, но я показываю ей знак, чтобы помолчала, и звоню на отгрузку проверить доложили ли те несчастные полкоробки докторской сегодня утром.

Лучший способ обрубить эти неприятные мне расспросы — начать активно работать.

Девчонки тоже погружаются в свои дела. На какое-то время время наш небольшой кабинет заполняется телефонными разговорами, клацаньем клавиатуры и шутивными, мало что значащими фразами, когда общаемся между собой.

И я почти забываю о том, кто сейчас находится в конференц зале буквально в нескольких метрах от меня. Почти, потому что ровно через полчаса мне вновь об этом грубо напоминают.

Распахивается дверь в смежный кабинет, где сидят оптовики, и в проеме появляется белобрысая голова Кира, их старшего менеджера.

— Девчонки, там всех в конференц зал вызывают. У но-

вого какое-то объявление.

Черт...! Я страдальчески прикрываю глаза и мешкаю, в то время как Оксана с Лилей, гонимые любопытством, резво вскакивают со своих кресел.

Ну за что?!

— Лер, сказали всем офисным прийти, — играет бровями Кир, видя, что я приросла к месту.

Тяжело поднимаюсь, смиряясь с неизбежным. Ноги по ощущениям наливаются свинцом. Лиля подхватывает меня под локоть и буквально вытаскивает из кабинета. В коридоре уже стоит гул и так просто не пройти. В конференц зал стекаются сотрудники со всего этажа. Озираюсь по сторонам, немного успокаиваясь. Да мы даже туда не поместимся толком — забьемся как селедки в банку. Андрей захочет — меня не увидит в этой толпе, тем более, что во мне какие-то скромные метр пятьдесят семь, так что достаточно будет просто встать за тем же Кириллом.

— Надеюсь, он сейчас не объявит, что мы закрываемся, — фыркает тихо Лиля себе под нос.

Я на это нервно смеюсь. Вообще от Андрея можно ждать чего угодно, но оставляю свое мнение при себе.

В конференц зале и правда не протолкнуться. Прижимаемся с Лилей к стеночке у самого входа, она так и висит на моем локте. Тянет шею от любопытства, пытаюсь разглядеть Андрея, сидящего во главе длинного офисного стола, занимающего добрую часть огромного кабинета.

Я в отличие от нее туда не смотрю — мне хватает один раз взглядом мазнуть по Жаровской черноволосой коротко стриженной макушке, чтобы ощутить подкатывающую к горлу нервную тошноту. Так что вместо этого нахожу глазами мужа, сидящего в самом конце стола. Егор тоже меня замечает. Коротко улыбается и моргает, но взгляд при этом почему-то напряженный.

Спрашиваю у него глазами "что?", но он не успевает никак среагировать, так как в этот момент Жаров на другом конце стучит ручкой по глянцевой столешнице.

— Прошу минуту внимания, — его резкий, низкий голос, звучащий как наезд даже когда он просто что-то говорит, заставляет всех заткнуться за секунду.

Лиля непроизвольно сильнее вцепляется в мой локоть. Сглотнув, медленно перевожу взгляд с нынешнего мужа на бывшего.

Я четко его вижу между плечами двух стоящих впереди мужчин. Андрей в темной рубашке, идеально сидящей на его поджаром теле. Без галстука, воротник расстегнут и виден шнурок, на котором, я знаю, висит крупный крестик из белого золота. Он гладко выбрит и выглядит таким свежим, что я будто улавливаю запах его геля для душа и лосьона после бритья, хотя это конечно же физически невозможно.

А еще я ловлю на себе его тлеющий углями взгляд, когда он, качнувшись в директорском кресле, пружинисто встает. И это уже мне не кажется.

Всего какую -то секунду, но он смотрит в упор только на меня. Так, будто за эту секунду вся эта комната, весь этот чертов мир исчезают.

У меня закладывает уши. Сердце бьется, захлёбываясь в густой, нагревающейся крови.

— Наверно представляться нет необходимости, и все же... — ровно и твердо начинает Андрей, сканируя присутствующих.

Слышу сквозь вату. Смотрю на него, стоя за чужими спинами, и почему-то до мельчайших деталей вспоминаю прошлую ночь, проведенную с мужем в реальности и в фантазиях с ним.

Эти фантомные ощущения настолько острые, что даже на ладонь Жарова, которую он то и дело убирает в карман брюк, притягивая взгляд к своим узким бедрам, я не могу смотреть спокойно. Вижу вены, темные волоски около манжеты, подвисяю на том, как двигаются пальцы... И протолкнув ком в горле усилием воли, перевожу взгляд на проектор за спиной Андрея — хоть что-то безопасное тут.

—...Вы знаете, что в прошлом квартале мы существенно увеличили объем поставок в две крупнейшие сети гипермаркетов Северо- Запада...— продолжает Андрей говорить в полнейшей тишине, — И со следующего полугодия договорились об увеличении этих цифр еще на двадцать процентов, для чего планируется расширить производство в Отрядном...

Раздаются одобряющие аплодисменты. "Все-таки будут новый цех строить" — на автомате отмечаю про себя, на данный момент совершенно не способная по-настоящему вовлечься в рабочие вопросы.

—... И, так как в итоге Северо-Запад выходит на первое место по рентабельности и объемам, — говорит Андрей, упираясь одной рукой о спинку своего высокого кожаного кресла, — Мною было принято решение о переносе головного офиса сюда.

Бах. Это как динамитная шашка, брошенная в озеро. А я — та самая беспомощная, застигнутая врасплох рыба. Меня оглушает. Приоткрыв рот, снова впиваюсь в бывшего мужа ошалелыми глазами в то время, как вокруг начинают одобрительно шуметь.

Андрей не смотрит в мою сторону, его взгляд лениво скользит по лицам присутствующих, губы кривит полуулыбка. Он продолжает говорить о том, что это решение зрело давно, так как рынок Северо - Запада оказался для "Колбасного цеха" самым прибыльным, к тому же удаленность нашего родного города от столицы часто мешала оперативно вести дела. И еще что-то говорит, и еще...Но я дальше уже вообще мало что могу воспринимать. Ведь как шмель в моей голове истошно гудит только одна жалящая мысль — Андрей переезжает сюда. И он прекрасно знал об этом еще вчера вечером. Просто не посчитал нужным сказать.

8. Лера

Как только Андрей всех отпускает из конференц зала, мы с Лилей выскакиваем в коридор чуть ли не первыми — благо так и простояли все это время у стеночки у самого выхода. Теперь уже я подхватываю приятельницу под локоть и буквально тащу к нашему кабинету, торопливо стуча по керамограниту невысокими каблуками.

— Ты куда так рванула, — хихикает Лилька, немного меня притормаживая, — Думаешь, прямо за тобой побежит? — насмешливо.

— Пошли уже, — закатываю глаза, продолжая тянуть ее вперед.

Она сдаётся, подчиняясь моему темпу и прижимаясь плечом поближе. Начинает возбужденно нашептывать на ухо.

— А ты не говорила, что он такой... молодой и... Горячий... — многозначительно играет бровями.

Вонзаю в нее убийственный взгляд. Горячий?! Ну да, как взорвавшаяся от окурка бензоколонка. Примерно такой! Возмущенно поджимаю губы.

—...и богатый... — томно тянет Лиля.

— И на голову больной! — шиплю на нее тихо, чтобы больше никто не услышал, так как нас уже догоняет толпа остальных сотрудников, — Ты дура что ли?!

— Ой, ну подумаешь... Должны же у людей быть недостат-

ки, — отмахивается эта мадам "слабоумие и отвага", заставляя меня внутренне вскипеть так, что жар моментально приливает к щекам и по ощущениям начинает валить паром и ушей.

— Не смей...! — цыкаю на нее, резко тормозя и приставляя указательный палец к Лилькиному носу.

— Пф-ф-ф... Шуток не понимаешь, — кривится та, — Да конечно нет... Просто серьезно... Ничего с виду такой... И не подумаешь... Ой, все, забей, — осекается и снова машет на меня рукой, видя, что я уже готова потихоньку начать сдирать с нее кожу, — Ладка кстати вылитая. Ты у нас, оказывается, копировальный станок, — улыбнувшись, добавляет примирительно и, обняв мое предплечье, сама тянет вперед.

Правда я и шагу сделать не успеваю, как меня окликает Егор.

— Лер, стой!

Оборачиваюсь. Муж в два широких шага оказывается рядом. Вежливо улыбается Лиле, без слов прося оставить нас наедине. Та сразу понимает и сматывается, уходя вперед.

Следуем за ней по коридору, сбавляя шаг. Вокруг толпятся люди. Громко. Что даёт нам возможность вполголоса переговариваться, не привлекая внимание остальных.

— Он что? Серьезно не сказал, что собирается переехать? — свистящим шепотом интересуется муж.

И в его голосе звучит недоверие. Настолько явное, что внутри меня вспыхивает протест. Я что...? Должна сейчас

оправдываться? Убеждать его в чем-то?!

Вместо этого хочется демонстративно обидеться и Егора послать, но я сдерживаюсь, сцепив зубы, понимая, что это я просто после новости от бывшего мужа такая разболтанная. И Егор тут абсолютно не причем. Это все Жаров — он как обычно умудряется одним своим появлением исказить все пространство вокруг меня.

— Да! Не сказал! — кричу мужу шепотом, снова ускоряя шаг, так как внутри заводится пружина, не дающая двигаться спокойно, — Я раза три спросила! Он промямлил что -то невразумительное и все! Даже Ладке ведь не сказал. Хотя мог. Знает же, что для нее это важно! — не могу сдержать свое возмущение.

Егор с задумчивым видом скребет подбородок. Смотрит куда-то перед собой.

— Ну если хотел сделать сюрприз, то он реально удался, — наконец хмыкает невесело, приобнимая меня за плечи и идя шаг в шаг, — Я в моменте охренел...

— Не то слово, — фыркаю ему в тон.

— И что думаешь? — муж скашивает на меня внимательный взгляд, от которого мне непроизвольно хочется отгородиться. Но я заставляю себя прямо и открыто посмотреть ему в глаза.

— А что я должна думать? Видимо посчитал, что не барское это дело передо мной отчитываться, — повожу плечами, остро чувствуя на них вес мужской руки.

— Ты будто обиделась на него, — щурится Егор.

— С чего бы?! Мне плевать! Пусть хоть прямо тут в холле живет, — и хмурюсь, и улыбаюсь одновременно. Мимика танцует на лице.

Еще и Егор так внимательно смотрит...

Сглотнув, я не выдерживаю и отворачиваюсь, переводя взгляд вперед. Никогда не думала, что от конференц зала до моего кабинета идти так долго...! — Слушай, может быть уволишься? — помолчав, вдруг выдаёт Егор.

Что? Я резко сбиваюсь с шага. Ошарашенно хлопаю глазами на него.

— На эту же сотку спокойно найдешь другую работу, — продолжает он почти ласково, — Да и в принципе... Можешь вообще пока просто дома посидеть, отдохнуть... С деньгами у нас проблем нет, я хорошо получаю, алименты Ладкины ипотеку полностью покрывают... Лер... — в тоне мужа мелькает что-то практически умоляющее, но мой пульс начинает так громко и заполошно стучать в ушах, что я с трудом различаю интонации.

Я по-настоящему начинаю дрожать. От этого предложения. От этой... перспективы! Я не готова была к такому. Я...

— Почему я собственно должна увольняться?! — шепчу агрессивно, хотя моя агрессия направлена совершенно не на Егора, а на самую такую возможность.

— Потому что я не уверен, что он... — Егор сводит брови к переносице, спотыкаясь и подбирая слова, — Что он даст

тебе... Нам спокойно жить.

— Все это время он не объявлялся вообще, — запальчиво шепчу, — С чего вдруг начнет доставать сейчас?!

— Возможно дело было в его отце, ты сама говорила, — успокаивающе отвечает Егор, становясь напротив и крепче сжимая мое плечо.

— Я говорила чушь. Если бы ему было надо, его бы никто не остановил.

— Но ты сама так говорила, — настаивает Егор, и его ноздри вздрагивают, раздуваясь. Верный признак, что тоже начинает заводиться.

— Я... Я не буду сбегать как побитая собака. Я не хочу!

— Причем тут "собака"?! — шипит Егор сквозь зубы, — Это наша семья, наше спокойствие. Это неважно что ли?!

— Еще вообще ничего не произошло, — чеканю каждое слово.

Егор недовольно поджимает губы. По его щекам перекапываются желваки.

— Но... Если начнет что-то происходить...— со значением.

— Тогда я подумаю, — тут же киваю, охлаждая градус разговора.

— Хорошо, — медленно роняет Егор, ощупывая мое лицо взглядом.

Примирительно улыбаюсь ему и кладу руку на живот. Глажу сквозь тонкий свитер. И резко отдергиваю ладонь от ощу-

щения, будто на нее плеснули кислотой, когда боковым зрением ловлю на себе и Егоре взгляд приближающегося Андрея.

Я поворачиваю к Жарову голову раньше, чем успеваю подумать и заставить себя этого не делать.

Сцепляемся с Андреем глазами. Его совсем черные, в них даже не тлеет обычный огонь. Будто проваливаешься в бездонную яму. Это даже немного жутко и вышибает дух — как во сне, когда летишь во тьму.

Отступаю от мужа на шаг. С опозданием моргнув, размыкаю с Андреем зрительный контакт и рассеянно улыбаюсь Егору, пока Жаров вместе с нашим генеральным проходят за его спиной. Ладонь так и жжет. Я вся вибрирую.

От одного долбанного предупреждающего взгляда уже не своего мужчины дрожу как лист на ветру.

И остатки разума вопят во мне, что да! Надо уволиться.

Прямо сейчас пойти в отдел кадров и начертать заявление. Но я уже понимаю, что... Не смогу.

В свой кабинет возвращаюсь со взрывающейся головой. День только начался, а я уже чувствую себя как пережеванная и выплюнутая жвачка. Единственный в этом плюс — когда ко мне подходит Алина Игоревна и пытается что-то предъявить по поводу того, что городская больница так и не делает нормальных заявок, и это зона моей ответственности — приучить их к порядку, а не молча докладывать коробки в машины, я лишь киваю, во всем с ней соглашаясь. Кажется,

стой и ори она мне прямо в лицо — я даже бровью сейчас не поведу.

Особенно, когда в разгар ее занудной лекции о том, как надо вести себя с клиентами, мой телефон оживает принятым сообщением.

Жаров: "Зайди через десять минут. Переговорная у генерального".

9. Лера

Длинно выдохнув, я нажимаю на ручку двери, ведущей в кабинеты нашего генерального директора Федотова Павла Алексеевича. У него там целый отсек — приемная, переговорная, собственно сам кабинет и даже комната отдыха с полноценной кроватью.

Я сама лично эту кровать не видела, но мне о ней говорил Егор. Как и то, что на этой кровати Федотов, пыхтя от лишнего веса и усердия, с удовольствием жарит свою двадцатилетнюю секретаршу Диану. Хотя об этом уже не только Егор говорил — это знают абсолютно все от уборщицы до приемщика, и наверно даже жена Павла Алексеевича. Впрочем, кто ему запретит...

— Диан, привет, — я словно вор просачиваюсь в приемную. Нервно улыбаюсь секретарше, очень надеюсь, что ей не видно, как у меня при этом подрагивают губы, — Меня Андрей.. кхм... Валерьевич вызывал. Он уже в переговорной? — киваю на нужную дверь из матового стекла.

— Да, Лер, привет, проходи. Нет, еще нет. Я сейчас ему скажу, что ты пришла, — она жестом приглашает меня зайти, а сама расторопно подскакивает с офисного кресла, и, виляя крепкой задницей, обтянутой кожаными лосинами, спешит к кабинету Федотова.

Провожая ее оценивающим взглядом, вытирая влажные

ладони о простое офисное черное платье чуть выше колен, которое не то, что ничего не обтягивает, а висит на мне мешком, хоть и очень комфортным. И конечно каблук моих лоферов не идут ни в какое сравнение со шпильками Дианы. Впрочем, и на кровать за одной из этих дверей я тоже не претендую в отличие от нее, значит вполне могу себе позволить рабочий, не эротичный вид.

И все же... Тихонько вздыхаю, проходя в переговорную. Сажусь на один из стульев, прижатых к круглому стеклянному столу. Все же, если бы я знала, что Андрей сегодня появится в офисе, я бы собиралась на работу более тщательно... Да хотя бы помыла голову! Раздраженно встряхиваю зализанным на макушке и висках конским хвостом. Подумает еще, что совсем зачахла без него... Нет, мне плевать, что он там думает....

Очнись, тебе плевать, Лера...! Да, должно быть плевать.

Матовая дверь резко распахивается, заставляя меня крупно вздрогнуть и сесть с настолько прямой спиной, будто в нее с размаху вколотили шпалу.

Тяжелый взгляд в упор — первое, что поглощает все мое внимание. Это как чертов гипноз...! Мне выть хочется от своих животных реакций, но на этого человека они всегда были только такие.

Андрей, не разрывая зрительного контакта, плотно прикрывает за собой дверь. Его лицо — застывшая маска, челюсть напряжена, глаза въедаются в меня с упорством скаль-

ного бугра. Я не выдерживаю и первая опускаю взгляд. Медленно скольжу глазами вниз — по мужской крепкой шее, расстегнутому вороту рубашки, груди, животу и стопорюсь на папке для документов, которая у Жарова в левой руке.

Молча вопросительно заламываю бровь. Андрей так же молча отмирает и проходит к столу. Садится рядом — через одно место, и сразу разворачивается вполоборота ко мне. Устраивается на своей стуле, широко расставив ноги и вальяжно откинувшись на спинку. Он так близко, что запах мужской туалетной воды навязчиво щекочет ноздри. Аромат свежий, многослойный, но аура у Жарова такая давящая, что у меня все равно непроизвольно затрудняется дыхание.

Ещё и темный взгляд, так и сверлящий меня все это время, будто становится горячее и гуще. По стеклянной столешнице ко мне летит папка с бумагами. На автомате останавливаю ее скольжение и снова встречаюсь глазами с бывшим мужем.

— Ладкино наследство, — кивает Андрей на документы, — От деда.

— Разве уже было оглашение завещания? — хрипло интересуюсь, прочищая горло.

— Я сказал, что ты не захочешь приехать. Тебе придет письмо от нотариуса. Наверно на следующей неделе, — он чуть склоняет голову набок, выбивая пальцами по стеклу дробь.

— Мне надо что-то делать? Подписывать? — рассеянно

глажу шероховатую поверхность папки.

— Нет, все после ее восемнадцати, — губы Андрея дергаются в кривой улыбке, и он вдруг хрипло выдает, моментально повышая градус разговора до максимальных значений, — Так что покутить со своим белобрысым уебком не получится, извини.

Застываю, прямо смотря ему в глаза. Охренел?!

Андрей продолжает ядовито улыбаться.

— И в мыслях не было, — цежу задрожавшим от возмущения голосом.

— Ну да.

— И не смей оскорблять моего мужа, — глухо добавляю.

— М-м-м, а что мне спасибо ему говорить, что он тебя ебет? Спасибо, блять.

Чувствую, как щедро покрываюсь красными пятнами. Внимательные глаза Андрея тут же начинают нездорово возбужденно блестеть, будто это ему до дрожи приятно — видеть меня еле держащей себя в руках. Большой придурок... И как я могла забыть, что он... Он вот такой!

— Кто меня ебет — давно не твое дело, во-первых! А во-вторых, действительно мог бы сказать спасибо за то, что Егор заботится о твоей дочери.

У Андрея дергается щека и улыбка мгновенно сползает с лица. Глаза становятся колючими как иглы дикобраза.

— Ты сейчас ему ни хуя не помогаешь, напоминая об этом.

Прикусываю язык. Пытаюсь спокойней дышать, но все равно выходит, твою мать, шумно!

У Андрея тоже ноздри дрожат, он чуть подаётся вперед и теперь сверлит меня исподлобья.

Мы молчим, но тишина вокруг начинает оглушающе звенеть. От этого звона я подвисаю, уплывая в какое-то искорверканное измерение. В нем ощущения острее, краски ярче, но изображение плывёт из-за возникающей между нами жары. Чудится, что воздух дрожит как в пустыне.

— Почему ты не сказал вчера, что переезжаешь? — облизываю сохнувшие губы. Андрей заторможено моргает, его взгляд концентрируется не сразу, словно смысл моего вопроса слишком сложный. Но он быстро берет в себя в руки.

— Вчера я еще не был в этом уверен, — ровно.

— И что же произошло за одну ночь?

— Принял решение.

Помолчав, снова начинает путешествовать глазами по моему лицу, взгляд расфокусируется, цепляет чуть на дольше мои губы и снова взлетает вверх. В упор.

— А ты чем этой ночью занималась? Дрочила, думая обо мне? — с издевкой.

Мое возмущение резко занимает новые, невиданные доселе уровни. Даже воздух в легких разбухает настолько, что, кажется, их сейчас разорвет.

— Нет, представь себе, не было такой необходимости. У меня был секс с мужем, — отбиваю, желая стереть эту наг-

лые, самовлюбленные отблески в глубине его глаз. Получается. На миг Андрея заметно перекашивает, что заставляет улыбнуться уже меня.

— Ебаная сучка... Раком наверно?

— И как только угадал, — сладко тяну.

— Так легче представлять кого-то другого.

На миг осекаюсь, лицо горит уже так, что кожа давно должна была оплавиться из-за этого разговора.

— Часто кого-то представляешь? — едко мурлычу.

— Если мелкая блондинка, то бывает, — отвечает Андрей, быстро прогуливаясь глазами по всему моему телу и чуть задерживаясь на оголившихся коленках. Сглотнув, меняю позу, натягивая юбку пониже.

— Выбираешь по типуажу? — спрашиваю с деланным сочувствием.

— Нет, мне давно по хуй кого драть, — смотрит прямо в глаза.

Блять... Я моргаю, пытаюсь собраться, часто и мелко. Горит уже не только лицо, у меня все тело печет.

— Рада, что ты себя, как и раньше, ни в чем не ограничиваешь, — цежу, мелко выдыхая.

— "Как раньше" уже никогда не будет. И ограничиваю я себя до хрена. — Например? — скептически дергаю бровью.

— Например... — эхом отзывается Жаров, и его взгляд подчеркнуто перетекает на мой рот, а правая ладонь демонстративно ложится на ширинку мужских брюк. Но я не успе-

ваю захлебнуться возмущением от подобных намеков, как Андрей уже снова смотрит мне в глаза, убрав руку с собственного паха, — Например я вообще не пью.

— Почему же?

— Психотерапевт не рекомендует.

“Ахах” — внутренне я хохочу. Жаров как обычно не стесняется ни одного оттенка своей темной стороны, а наоборот готов вывесить ее на доску почета. Меня так и тянет уточнить — точно это психотерапевт, а не психиатр, но я сдерживаюсь.

— И сколько держишься? Неделю? — вместо этого участливо интересуюсь.

— Два с половиной года.

— М-м-м... — я хмурюсь, переваривая информацию, — А что послужило причиной?

Молчит.

Поняв, что ответа не дождусь, я мысленно перебираю, что могло тогда такого произойти. Но, кроме моей скромной росписи с Егором на ум ничего не приходит, а это предположение я сразу отметаю как слишком надуманное. Жизнь Андрея давно не крутится вокруг меня, как и моя вокруг него...

— Опять учудил какой-то лютей треш? — высказываю вслух более логичную мысль, — Нажрался и все-таки забил кого-нибудь до смерти?

Криво улыбается, наклоняясь ко мне вперед и упираясь локтями в колени. Сцепляет руки в замок. Его пальцы при

этом почти задевают мои ноги.

— Как видишь, я сижу сейчас перед тобой, а не лес валю под Сыктывкаром.

— Мы оба знаем, что это может быть не твоя заслуга, а твоего отца, — мой голос сочится напряжением, так как Андрей вдруг слишком близко. Я чувствую тепло его дыхания на своем лице...

— Чего ты сейчас добиваешься? Хочешь узнать, так же легко меня вывести из себя как раньше?

— А так же?

— Нет, но именно тебе лучше не проверять, — и его ладонь вдруг резко сжимает мою коленку, парализуя. Мои глаза широко распахиваются, я застываю, слушая его тихие слова, — А то, знаешь, ограничители могут и перегореть, — пальцы сдавливают колено сильнее, это уже больно, — И я тебя выебу прямо сейчас в этом кабинете, — хриплым шепотом заканчивает Андрей.

— Я... Я замужем, — дернувшись, пишу. Со скрипом резкодвигаю свой стул подальше от Жарова. Его рука падает с моего колена, но кожу все равно адски печет.

— И что? Он носит с собой ключи от твоих трусов? Да и по хуй, отсосешь. Меня устраивает.

Урод!

— Все, отлично поговорили. Мне хватит еще на шесть лет. Ты, я смотрю, вообще не меняешься, — я все-таки вскакиваю со стула. Кажется, аудиенция окончена.

— Какое опасное заблуждение. Я очень сильно изменился, Лер.

— И в чем же? — уже нажимаю на ручку двери, чтобы открыть.

— Узнаешь, — хищно улыбается Жаров.

И это последнее, что я вижу, прежде чем вылететь из переговорной.

10. Лера

После того, как я, расшатанная до предела, выскочила из переговорной, моя задача на этот день свелась к тому, чтобы просто его как можно скорее прожить.

Почему-то мне казалось, что, стоит уснуть и проснуться следующим утром, я приду в норму. Снова стану хозяйкой своим эмоциям, реакциям, мыслям, желаниям.

Я снова смогу спокойно и без лишних энергозатрат управлять пространством вокруг себя, как было еще какие-то сутки назад. И я не буду бесконечно гонять в голове каждую деталь, связанную с Андреем, как делаю это сейчас. Почему он посмотрел так, а не этак? Что имел ввиду, когда то-то говорил? О чем умолчал? Зачем он вообще вернулся так стремительно?

Неужели он... хочет... снова?! Твою мать, эта мысль сводила меня с ума.

Потому что она была слишком будоражающая, слишком запретная, слишком раздражающая, слишком сладкая...!

Я с таким трудом отодрала себя от Жарова, с мясом и кровью. Тогда, шесть лет назад я смогла это сделать. Но тогда я еще очень хорошо понимала, почему так поступаю. А сейчас... Нет, я не забыла ни одной причины, но все они покрылись пылью прошедших лет, потускнели и уже так не трогают. А вот его запах и взгляд действуют на меня все так же

— как чертов гипноз.

И еще мне приятно. Приятно, да!

Мое самолюбие урчит сытой кошкой, ведь я думала, что он... забыл меня.

И мне было так обидно, что Андрей посмел это сделать, когда говорил, что будет любить всегда — даже после смерти. Даже в другой вселенной. Распадется на молекулы, но каждая эта несчастная микроскопическая частичка все равно будет отчаянно меня любить. И я верила, что он говорит правду. Это давало мне столько сил — ощущать его чувства. А потом я ушла, да, сама, но он... Он взял и отпустил.

И часть меня всегда дико обижалась на него за это. Чувствовала себя преданной. Пусть это полный бред, но разве чувства про логику? Тем более наши чувства вообще никогда не имели с этой самой логикой хоть что-то общее...

День как назло не желал заканчиваться. Очень нудно тянулись часы на работе, потом мы с Егором, который в этот раз не задержался, вместе поехали за Ладой в школу — вызывать ее с продленки. После Егор завез нас на Ладкины танцы, а сам поехал на такси забрать мою машину из автосервиса, оставив мне ключи от своей. В итоге дома я оказалась только около девяти. Быстрый ужин, уроки... Маленькая ежевечерняя война с Кукусом по поводу того, что надо идти чистить зубы. Две страницы сказки на ночь...

И ближе к одиннадцати я наконец падаю на свою половину кровати, устало выдыхая и зарываясь лицом в подушку.

Егор еще в ванной. Я слышу шум воды.

Натягиваю одеяло на самый нос, сворачиваюсь калачиком. Тело гудит, отяжелевшие веки смыкаются. Внутренне морщусь, услышав приближающиеся шаги мужа. Глаз не открываю, но конечно все равно ловлю момент, когда он выключает свет — за сомкнутыми веками становится совсем темно.

Под Егором прогибается матрас, муж чуть тянет с меня одеяло, чтобы тоже под него забраться. Его тепло, запах зубной пасты, рука, придавливающая тяжестью мою талию и пальцы, рассеянно глядящие голую полоску кожи на моем животе.

Стараюсь дышать глубоко и ровно, делая вид, что сплю. Егор с тихим вздохом прижимается к моей спине сзади. Пальцы активней гладят живот...

— Зай...— хрипло нашептывает на ухо и при этом прижимается стояком к моей попе.

— М-м-м...— я протестующе мычу и отодвигаюсь.

Сегодня точно не хочу...

Его недовольство выражается еще одним длинным выдохом, но Егор не из тех, кто будет настаивать, и сейчас я этому дико рада. Рука исчезает с моей талии. Кажется, муж переворачивается на другой бок. Через пару минут я слышу его размеренное дыхание и тоже потихоньку проваливаюсь в сон.

Здесь чернота, темно, тепло, уютно, и как-то... Горячо.

Я все так же лежу на кровати, укутавшись в одеяло. И меня снова обнимает и притягивает к себе мужская рука. Вот только я четко ощущаю, что это рука не Егора. Бешеная смесь гормонов мгновенно поступает в кровь, накрывая душливой волной. Дыхание срывается. Я чувствую жар голого, влажного мужского тела, прижимающегося ко мне.

Мускусный терпкий запах кожи и свежего пота щекочет обоняние. Мокрый поцелуй в висок, широкое движение языка. Андрей прикусывает мою мочку, заставляя обернуться. Обнимает крепче, закидывая ногу на мое бедро. Опрокидываюсь на спину и вижу его черные в полумраке, тлеющие углями дурные глаза. Они жадно ощупывают мое лицо. Жаров наклоняется так близко, что, когда начинает шептать, то его губы задевают мои при каждом движении.

— Ты ведь понимаешь, что никогда не сможешь теперь от меня уйти, — вкрадчиво интересуется, повторяя то, что говорил, когда нам было восемнадцать.

Я помню каждое слово, произнесенное тогда. Каждую эмоцию, каждое прикосновение. Ведь это был наш первый полноценный секс. И все было так по-настоящему. Я не понимаю, как вернулась в тот момент, но мне плевать — просто тону в этих острых, сокровенных ощущениях.

— Мхм, — отзываюсь рассеянно, дотрагиваясь ладонью до его лица.

Глажу колючую от щетины щеку еще совсем юного мальчишки с резкими чертами лица и острыми скулами. Он так

знакомо смотрит в упор, лишь чуть-чуть прижимаясь впа-
лой щекой к моей руке.

— Что я убью тебя на хуй, Лер... — продолжает тихо Ан-
дрей.

— Я знаю, Жаров, — всхлипнув от подступающих слез,
улыбаюсь.

— И тебя устраивает?

— Да, — просто и искренне говорю, как тогда.

И вдруг все меняется. Воздух будто взрывается вокруг
нас, картинка раскручивается как на карусели. Во взгляде
Андрея мелькает безумие и решимость. Лицо перекашива-
ется яростью. Я испуганно вскрикиваю, пытаюсь отстранить-
ся, но он вдруг хватает меня за горло и мы уже пятимся к
окну почему-то в кабинете генерального. Я реву, задыхаясь.
Меня трясет.

— Не бойся, принцеска, только не меня, — издевательски
ласково бодает меня лбом Андрей, не отпуская.

Еще шаг, моя нога проваливается в пустоту, равновесие
теряется, и мы летим. Падаем. Вокруг чернота, и она кру-
жится в бешеном ритме. Я чувствую, что несусь в пропасть, а
Жаров крепко прижимает меня к себе. Беззвучно ору, охва-
ченная ледяной паникой.

— Лер...Вместе, да?— исступленно нашептывает Андрей,
— Лерка-а-а...

— Лера! Просыпайся, ну! Резко подскакиваю на кровати,
вся в слезах и в холодном поту. Блять. Зубы клацают, не по-

падая друг на друга.

— Ну все, Зай, все...просто кошмар, — обнимает меня Егор, начиная укачивать в своих руках. Затем торопливо ощупывает голые плечи, лицо, лоб.

— Лер, да ты вся горишь, — обеспокоенно, — Сейчас градусник принесу.

Встает с кровати, оставляя меня одну. Обнимаю себя за плечи, голова сильно кружится, будто до сих пор падаю. Тошнит.

— На, померяй, — Егор дает мне термометр, сует стакан воды в другую руку.

Жадно отпиваю, пока жду пиликанье электронного датчика. Наконец раздается сигнал. С досадой смотрю на цифры, прикусывая губу.

— Что там? — спрашивает муж.

— Тридцать девять и четыре, — признаюсь.

— Мда, — Егор чешет затылок, — Что ж, на работу кто-то завтра точно не идет.

11. Лера

— Сможешь же сегодня Ладку забрать? — провожая своих, спрашиваю Егора.

Он как раз обувается. Поднимает на меня страдальческий, но смиренный с неизбежным взгляд.

— Я очень постараюсь, Зай, — вздыхает и тянется чмокнуть меня в щеку, но я уворачиваюсь, сразу отступая на пару шагов.

— Не хватало, чтобы ты еще заболел, — ворчу, кутаясь в домашний халат.

Меня знобит и шатает, голова раскалывается. Больше никаких особых признаков заболевания нет, но это лишь еще сильнее пугает — не хотелось бы свалиться на неделю с каким-нибудь ковидом или мудреным гриппом.

Егор с Ладкой зашьется один. И пропускать ей сейчас танцы нельзя — время выступлений и отчетных концертов. И так вон на неделю уезжала. Конечно, когда температура немного спадет, я спокойно смогу возить ее сама, но пока мне не удастся сбить ее ниже тридцати семи с половиной. И за руль я точно не хочу в таком состоянии.

— Была бы у тебя нормальная бабушка... — как обычно ворчит себе под нос Егор, подавая Ладе куртку.

Я лишь устало закатываю глаза. Да, Алла и помощь с ребенком — понятия несовместимые. К тому же я даже не уве-

рена, что она уже вернулась с чьей-то там высокопоставленной дачи.

— Хорошего дня, Кукус, — вместо разговора про Ладину прабабушку, треплю дочку по голове.

Она, фыркнув, уворачивается. Боится, что я ей ее модный низкий хвост испорчу.

— Выздоравливай, мам, — подхватывает рюкзак, который на ее тощих плечиках выглядит как орудие пыток.

— Давай, отдыхай, — Егор все -таки ловит меня и прижимает к себе. Коротко целует во влажный от слабости висок, — Я позвоню...

— И тебе удачи, родной, — закрываю за ними дверь, оставаясь одна в звенящей тишине квартиры.

Медленно ползу от двери обратно в спальню. Прикрываю чугунные веки, намереваясь еще подремать, но сон почему-то не идет. Мысли зыбкие, еле ворочаются, но их обрывки все равно...Беспокоят меня. Не могу ситуацию отпустить даже в таком полумертвом состоянии. Жаров как кость в горле и гвоздь в голове. Сдаюсь и плетусь на кухню. Решаю сварить куриный суп — единственное, что мой организм воспринимает во время болезни. А вечером надо будет сделать домашним пиццу из готового теста. Это быстро и точно все съедят...

Между чисткой овощей пишу сообщение матери.

Лера: "Привет. Можешь говорить?"

Через минут пять прилетает ответ.

Мама: " У меня пара. Через полчаса. Что-то срочное?"

Лера: "Нет. Перезвони"

И все эти полчаса я внутренне подбираюсь, ожидая нашего разговора, потому что... Потому что мама живет с Андреем в одном городе и по-любому знает о нем гораздо больше, чем я. Но у нас так повелось, что Жаров шесть лет назад был возведен в статус Волан -де-Морта — того, кого нельзя называть. И я ни разу о нем не спрашивала.

Ни разу, твою мать!

А сейчас не могу удержаться. Мне нужны еще хоть какие элементы пазла, чтобы попытаться его сложить.

Через сорок минут, когда уже закидываю мелкую вермишель в почти готовый суп, мама наконец звонит.

— Привет, дочь, как дела?

— Ну так...— я делаю поменьше огонь на плите и устало оседаю на стул, — Приболела немного, но это ерунда... Мам...— нервно сглатываю, — Ты в курсе, что Андрей переезжает в Питер?

— К- какой Андрей? — растерянно заикается мать, и я сразу понимаю, что нет.

— Жаров, какой же еще, — тихо психую на нее, так как больше мне просто не на кого.

— Жаров?! С чего вдруг?! — мама от удивления повышает голос.

— Я хотела у тебя спросить вообще-то. Но ладно... Ясно. Мама молчит. Я практически слышу, как ее мозг в это

время усердно обрабатывает информацию и пытается выдать хоть какой-то результат.

— Это очень странно, — наконец бормочет она, — Он вот Ладочку забирал от нас в аэропорт и слова же не сказал! И надолго?

— Я так поняла, что да.

Мама снова делает паузу.

— И что? Тебе... Кхм... Что-то предлагал? — вкрадчиво. Я, не сдержавшись, издаю короткий истерический смешок в трубку. Ну... Если реплику про "ладно, тогда отсосешь" считать предложением, то конечно!

— Лер, — напоминает мамин голос в трубке о себе.

— Нет, ничего такого, — бурчу, решив не шокировать родительницу, — Но сказал, что два года не пьет. Правда что ли?

— А, да, — охотно отзывается мама, — Он вот как тогда на вашу с Егором свадьбу квартиру разнес, так все. Как отрезало.

— Какую квартиру? В смысле квартиру? — в лёгком шоке переспрашиваю.

— А ты не знала? — удивляется мама, — Я думала, ты в курсе. Вот, как узнал, что вы с Егором расписываетесь, нажрался в дым, все там покрушил. Дошло до того, что соседи ментов вызвали. Его еще отец принципиально забирать из обезьянника не хотел. Сказал, как раз за пятнадцать суток может хоть мозги на место встанут, а то... Не подросток

ведь уже! Ладно тогда... Ты тоже молодец, конечно. Никого не пригласила, позвонила и все... Что на первой дочкиной свадьбе не была, что на второй! Как чужие! — ворчит мать про свою старую обиду, но я ее совершенно не слушаю. В ушах пульс долбит взбешенным барабаном, руки почему-то немеют.

Я правда не знала... И мне плевать, что это уже неважно ничего. Для меня сейчас вдруг очень важно, хоть я и не могу сама себе это нормально объяснить.

—... А потом все. Успокоился. Знаешь, дочь, ты не переживай. Мне кажется, Андрей очень изменился. И все уже давно отпустил. У него вроде и девочка какая-то там есть с работы. Мне Ольга говорила, что приводил к ним, но, кажется, вместе не живут пока. Не знаю...

— Ладно, ясно, мам. Давай, пока. Дяде Грише привет, — я не очень вежливо обрываю поток посыпавшихся на меня сплетен и сбрасываю вызов.

Не хочу я знать ни про какую его "девочку". Не хочу...

В прострации снимаю с плиты суп. Иду в ванную и щедро плескаю себе в лицо холодную воду. Кожа нестерпимо горит, но это, кажется, не из-за температуры...

Тогда, еще два года назад, ему было не все равно на меня. От осознания этого дыбом встают волоски. Я все больше верю, что и сейчас тоже.

12. Лера

Из вязкой дремоты меня вырывает телефонный звонок. Со стоном приоткрываю тяжелые веки. Глаза сухие до ощущения песка, легкие сковывает неестественная духота — кажется, моя температура опять перевалила за отметку в тридцать девять. Мне так тошно, что я не сразу нахожу в себе силы оторвать чугунную голову от подушки и взять телефон.

— Да, — слабо сиплю в трубку, принимая вызов от Егора.

— Привет, Зай, ты как? — обеспокоенно спрашивает он.

Даю себе пару секунд, чтобы окончательно проснуться и попробовать оценить состояние. Кладу ладонь на раскаленный лоб, вдохнуть сложно — нос заложен, в горле немного дерет. Что ж, это к лучшему, хоть какие-то симптомы, кроме этой несбиваемой температуры.

— Так себе, но жить буду, — слабо улыбаюсь в трубку, — У тебя как дела? Успеваешь за Ладой?

— Кхм... Да вот проблема в том, что как раз нет, — виновато бурчит Егор, от чего я резко сажусь на кровати и тут же падаю обратно, подкошенная тошнотворным головокружением.

— Ты серьезно?!

— Да. Зай, я в Отрадное поехал с Федотовым и трындец, мы тут встряли. Освобожусь в лучшем случае через час, еще и навигатор показывает пробки в девять баллов, на КАДе

авария какая-то на три полосы, я без понятия когда рассосется, и... — Ты издеваешься, — рычу в трубку, не желая дальше ничего слушать.

Я сейчас разревусь от жалости к себе! Как я дочь еще и на танцы в таком состоянии повезу?! Ладно, плевать на эти танцы — сегодня без танцев, но я даже до школы тащиться на хочу-у-у...

— Прости, Зай, может сегодня без танцев? — будто читает мои мысли Егор.

— Да я уж поняла... — обиженно отрезаю, — И во сколько тебя ждать?!

— Постараюсь к восьми.

— Хорошо...

Сбрасываю вызов, уставившись на белый матовый потолок нашей спальни. Лениво разглядываю люстру в виде свечей, обвешанных стеклянусом. Твою мать...

Ладно, надо соскребать себя с кровати и закидываться ну-рофеном по самые глаза. Лада сама себя из школы не доставит...

Дочка учится в гимназии у Первой линии, очень престижной и очень далекой от понятия "пешая доступность". О чем я теперь периодически сожалею — зачем такие почести восьмилетнему ребенку, у нас и во дворе неплохая школа, которой вполне хватило бы на то, чтобы научиться читать и писать. А потом уж, когда Лада подрастёт, и следовало искать ей учебное заведение, соответствующее ее талантам и

потребностям.

Но переводить ее сейчас я уже не решаюсь. Мы с легкостью получили место в первом классе, когда большинство родителей еще не стремятся засунуть ребенка в элитное заведение. А вот пройдем ли мы так же легко конкурс в какой-нибудь восьмой, являясь учениками другой школы, я уже не уверена. Так что возим. Приходится...

Растирая ноющий лоб, звоню дочери. Она не берет. Судя по времени, у нее сейчас на продленке театральный кружок. Отправив Кукусу сообщение, что приеду за ней я, а не Егор, так как он задерживается на работе, с трудом принимаю вертикальное положение и плетусь в ванную. После температурной испарины ощущаю себя не мывшейся как минимум неделю.

Приняв быстрый душ, от которого меня еще и начинает крупно знобить, иду на кухню, кутаясь в халат и стуча зубами. Закидываюсь нурофеном. Очень надеюсь, что меня отпустит хотя бы на пару часов... Еще и тесто на пиццу надо разморозить, черт...

Открываю морозилку, и в этот момент мой телефон снова звонит. Да кто там? Дочка...

— Да, Кукусик, привет, — сиплю в трубку, стараясь звучать не слишком уж жалко.

— Мам, привет! Слушай, не надо меня забирать.

Я застываю с открытым ртом, но не успеваю выдать логичное "это еще почему?!", как Лада радостно, буквально за-

хлебываясь от эмоций щебечет в трубку.

— Меня папа домой отвезет. И на танцы потом. Круто, да?!

Чего?! Я оседаю на стул, прижимая к груди ледяную упаковку замороженного теста.

— Папа то твой каким боком вообще? — бормочу растерянно.

— Он сейчас позвонил спросить как у меня дела, и я сказала, что тебе приходится больной за мной ехать, так как Егор не сможет, — весело объясняет мой ребенок.

Но осекается, уловив углошающую тишину в трубке — это я так молча ору.

— Мам, ты же не против? — настороженно.

— М - м-м, нет, — я нахожу в себе силы не выдать свои истинные чувства, — Конечно нет. Ладно, жду тебя... Кхм...
Вас.

— Пока, — Кукус отключается, а я так и сижу, тупо уставившись на гаснущий экран телефона.

А затем резко подрываюсь с места и иду переодеваться. Не в халате же их встречать...

Когда примерно через час раздается дверной звонок, мне приходится заставить себя идти открывать медленно. В крови бродит ядреная смесь из адреналина, нурофена и вновь потихоньку поднимающейся температуры. От этой смеси мое сердце стучит так часто, что я искренне боюсь, что оно

выдохнется в любую секунду и замрет.

Оглядываю коридор, застывая у самой двери. Вроде бы у нас всегда достаточно чисто, но я все равно въедливо осматриваю каждый угол. Повторный звонок заставляет вздрогнуть и наконец повернуть защелку.

— Привет, Кукус, как в школе? Как доклад по окружающейке? — мой взгляд сразу жадно цепляется за дочку, стоит двери хоть чуть-чуть распахнуться.

Она мой якорь, позволяющий делать вид, что я не замечаю стоящего рядом с нею мужчину. Но я все равно вижу и чувствую все. Абсолютно, блин, все!

Как Андрей расстегивает куртку одним движением, переступая порог моего дома. Как озирается по сторонам, проводя рукой по ёжику темных волос на затылке и ставя дочкин портфель прямо на пол у пуфа. Как приносит с собой запах свежей туалетной воды и сырой улицы, мешая его с ароматом только что испеченной пиццы. Как останавливает свой тяжелый, тлеющий взгляд на мне, больше уже не смотря ни на что...

Я это кожей ощущаю, каждым несчастным миллиметром.

Растираю предплечья, покрывающиеся гусиными мурашками. Забираю у дочки куртку, продолжая слепо смотреть только на нее и рассеянно улыбаться. Наша прихожая слишком тесная для таких ситуаций... И я отступаю назад, словно меня выдавливают из нее.

— Спасибо, что привез, — бормочу на фоне Ладиной бол-

товни про школьный день.

При этом мажу взглядом по мужскому кадыку, так как очень уж не хочется встречаться с Жаровым глазами. Я бы и не говорила с ним, но слишком очевидна необходимость хоть что-то сказать.

— Не за что.

— Ой, мам, а чем пахнет? Это пицца, да? Пицца?! — восторженно восклицает Лада, неаккуратно разбрасывая по коридору ботинки, — Значит я выиграла! — обращается к Андрею с победным видом, а потом снова переводит горящий взгляд на меня, — Папа говорил, что ты накормишь нас куриным супом! Что ты его всегда варишь, когда болеешь. А я сказала, что не всегда.

— Накормлю?! — теряюсь я, услышав самое основное для себя.

— Ну да, перед танцами, — хлопает дочь глазами.

— Если, конечно, не жалко, — едко вставляет Жаров, прислонясь плечом к стене.

— Не жалко, — глухо огрызаюсь и тут же улыбаюсь дочери, — Руки мыть, Кукус. И да, я сварила суп, прости.

— О, не-е-ет, — страдальчески закатывает Лада глаза, — Зачем ты это сделала?!

— Я же говорил, — довольно хмыкает Андрей, щёлкая дочь по носу, — С тебя желание, Кукус.

Мои губы, когда наблюдаю за ними, дергаются в улыбке, которую я просто не могу сдержать, поэтому выбираю отвер-

нуться и уйти от Жаровых на кухню. Да, моя дочь носит фамилию отца, хоть это иногда и создает мне некоторые сложности, ведь я взяла себе фамилию Егора.

Я очень стараюсь снизить темп и двигаться не суетливо, пока ставлю две тарелки с супом на стол. Детскую, с Эльзой из "Холодного сердца", и... взрослую. Рядом блюдо с нарезанной на квадратики домашней пиццей, сметану и небольшой контейнер с зеленью. Лада ненавидит зелень в супе, но Андрей любит.

Он и суп мой всегда обожал, по крайней мере так говорил. Говорил, что у меня самая вкусная еда, а я смеялась и не верила. Сложно поверить, когда до этого дома с мамой палец о палец толком не ударила и учишься готовить прямо "на" Андрее — я даже магазинные пельмени умудрилась пару раз разварить. Нам было по восемнадцать...

И я в итоге не знаю, что было для меня более значимым — первый секс или первые удачно вышедшие и расхваленные любимым пирожки. Да и как тут определишь, если и то, и другое происходило с одним и тем же человеком.

13. Лера

Кухня большая и светлая, выполняющая функцию полноценной гостиной в нашей двухкомнатной квартире, но сейчас мне отчаянно не хватает в ней воздуха, и так и тянет хотя бы распахнуть окно.

Отойдя подальше от овального обеденного стола, подпираю попой рабочую столешницу и складываю руки на груди, наблюдая за этими двоими.

Лада первым делом хватается кусок пиццы, даже не притронувшись к ложке. Андрей пару секунд смотрит на большую тарелку, наполненную супом до краев, и затем медленно поднимает на меня недовольный, пронзительный взгляд.

Вопросительно заламываю бровь. И что нашему барину не так?!

— Как украла, — буркает.

От его претензии, что мало положили, я давлюсь нервным смешком, который едва успеваю сдерживать. И все равно губы дрожат в неконтролируемой улыбке, когда ехидничаю в ответ.

— Прости, свободных тазиков не было.

— Нет нормальных тарелок для взрослых мужиков? — интересуется, зачерпывая ложкой бульон.

— Так и быть, положу тебе добавки, не отчаивайся.

— И даже не будешь переживать, что мужу не хватит? —

смотрит на меня исподлобья, прежде чем отправить суп в рот.

— Он не любит первое.

— Приду...— начинает было Андрей, но я взглядом резко шикаю на него и выразительно кошусь на Ладу.

Жаров послушно затыкается, тоже мазнув глазами по дочери. Да, пожалуйста, не при ней!

И я немного выдыхаю, поняв, что Андрей больше не собирается развивать эту тему. Вместо этого он начинает расспрашивать дочь о танцах, работая ложкой как веслом. И уже через минуту под непрекращающееся щебетание дочери, Жаров молча отодвигает пустую тарелку на край стола.

Я также молча подхожу и ее забираю, чтобы положить добавки.

И это все было бы совершенно нейтральным, если бы Андрей при этом не умудрился успеть незаметно смять мою ягодицу сквозь домашние штаны! Быстро и не сильно — фантомный ожог, а не прикосновение.

На миг мне даже чудится, что у меня начинается бред от температуры. Но кожа ощутимо горит! Торопливо отхожу, пульс долбит в ушах.

Кто тут ещё придурок?!

Оборачиваюсь на Андрея с Ладой с немеющим лицом.

— ... А меня поставили во второй ряд - это все из-за Миланы, я должна была...— жалуется Кукус на свои проблемы отцу как ни в чем не бывало.

Он внимательно ее слушает, не смотря в мою сторону.

И мне правда будто показалось, что он только что дотронулся до меня.

Не просто дотронулся — попу пощупал, твою мать!

И я даже не могу возмутиться, ведь дочь ничего не заметила. Ар-р-р...! Чувствуя, как щеки нездорово щиплет румянцем, рваными движениями наливаю суп этому извращенцу по самую кромку. Чудом не проливаю, когда несу обратно, и специально ставлю на середину стола, чтобы больше так близко не подходить.

Андрей вскидывает на меня взгляд. Его лицо ничего не выражает, но в глубине зрачков танцуют бесята, когда он демонстративно медленно пододвигает к себе тарелку, все-таки немного пролив. Мое горло будто перехватывает кольцом, не могу разорвать зрительный контакт.

Ладин голос как сквозь вату.

— Ты так любишь мамин куриный суп? — спрашивает она у отца.

Жаров с заминкой моргает и переводит свое внимание на дочь, отпуская меня на свободу.

— Это лучший суп в мире. Я пиз..Кхм... Очень сильно по нему скучал, — говорит совершенно серьезно, дергая что-то внутри меня, отчего непроизвольно закусываю губу, отворачиваясь, — А ты не любишь что ли? — спрашивает Андрей у дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.